

The Tatar Poor – by Konstantin Lavrskii (1884)

Edited by Stefan B. Kirmse

Editor's Introduction

'The Tatar Poor' is a remarkable 40-page booklet published in 1884 by the Kazan Provincial Administration's own printing house. Very few copies of it are still publicly accessible, and mainly in Russian libraries.¹ This is the first full translation of the booklet, which deserves to be read and studied widely because it was, in many ways, unusual for its time. It is a detailed ethnographic study of rural Muslim communities in the Russian Empire. While rural ethnographies became an important genre in tsarist Russia in the second half of the nineteenth century, they mostly focused on Russian and other Slavic villages. Studies of Tatars and other Muslim communities, by contrast, were far less common, and where they existed, they tended to concentrate on Islamic practice, holidays, and other aspects that helped to paint pictures of these communities as exotic 'Others'. Many of them were critical and condescending, not unlike reports by the police and other state institutions. Against this background, Konstantin Lavrskii's account stands out not only as one largely avoiding the cultural prejudices virulent at the time and offering a rare economic analysis, but also as a sensitive, understanding voice with a sincere interest in the communities observed.

Born and raised in a small town in Nizhnii Novgorod Province, Lavrskii reached the city of Kazan in 1860 to enrol at the Kazan Imperial University. He initially studied philology, but after a year, took up a course in law. As he explained in memoirs of his student days, rumours of the imminent introduction of jury courts and an independent bar in Russia made the legal profession appear in an attractive light. For reform-minded individuals with a strong social conscience like him, it was the societal importance of the lawyer's profession and the air of knighthood around it that accounted for the rapidly growing appeal of legal careers. However, there were plenty of challenges along the way. Critical of his social activism, the authorities had him expelled from the university in 1863, exiled, and condemned to hard labour. He was later pardoned and returned to Kazan. Without a completed degree, however, he began working as a journalist. He was one of the key figures behind the liberal regional newspaper *Kamsko-volzhskaia gazeta* ('Kama-Volga Newspaper', published 1872–74) – a rich local paper interested in everyday life, including the lives of rural residents. It was soon closed by the censors, however, while Lavrskii was once again exiled for a few years. In 1881, he finally completed his law degree at Kazan University.

As for the background to this booklet: in 1883, Lavrskii helped the Kazan Municipal Self-Administration (called *Zemstvo*) to conduct a small-scale census. Focused on 138 villages in four districts, it sought to find out why these villages had trouble repaying food loans. In addition to a statistical report, Lavrskii completed an ethnographic study of two Tatar villages in Chistopol District, published under the title of 'The Tatar Poor'. The combination of a broad quantitative survey and a detailed local investigation allowed him to back up his observations with statistical data. The pages that follow, among other things, offer fascinating insights into seasonal labour migration in rural communities; they challenge cultural prejudice concerning Tatar agricultural and other economic activity; and they show the ways in which community self-help and interventions by the fledgling imperial welfare state interacted to deal with poverty. Lavrskii's analysis highlights that while the state helped with loans in multiple ways, it did far too little to tackle the existing problems.

Later, Lavrskii would pursue a legal and political career, largely fending for the rural residents he came across in his studies. In 1890, he became a registered lawyer in Kazan. In 1905, he was elected to the short-lived First Duma in St Petersburg as a deputy for the *Trudoviki* (Social Democrats) and joined, among other things, the parliament's Agrarian Commission. While Lavrskii was a journalist, his writing style leaves something to be desired. Many of his sentences are unnecessarily long and complicated, even by Russian imperial standards. I agreed with the translator that awkward Russian should not be transformed into elegant English, and so we have left the original style mostly intact. Unfortunately, the author begins with about two and half pages of remarks that are specific to the question of tax arrears and food loans in Kazan Province, which are difficult to grasp without contextual knowledge, and I would recommend the reader not lose heart at this point and continue reading. The text becomes much more accessible after that. Lavrskii offers highly instructive observations in the pages that follow, and thus the author and the voices he represents deserve to be read in full.

We have used the Library of Congress system for transliterating Russian words. In the case of place names (Kazan, Chistopol etc.), however, the final soft sign has been omitted for the sake of simplicity. Footnotes that were not part of the original text are invariably introduced by 'translator's note' or 'editor's note'.

For better orientation, the reader may refer to the map of Kazan Province below. The different districts of the province come up repeatedly.

¹ The attached photos are unfortunately of a less than ideal quality, taken at the Department of Rare Books, Kazan University Library, in 2010.

© Peter Palm, Berlin

Glossary

Artel: A semiformal, cooperative association for the organisation of joint economic activities, mostly among craftsmen, artisans, and workers in light industry. Lavrskii also identified such artel-like formations among seasonal labour migrants.

Telega: A four-wheel, horse-drawn vehicle, usually made of wood, uncovered and mainly used to carry goods.

Zemstvo: An institution of local self-government introduced as part of the Great Reforms across the Russian Empire in 1864. Zemstvos existed at provincial and district levels.

Volost: A small administrative unit. Known since the late middle ages in various parts of Eastern Europe, volosts usually comprised several villages. Often translated as a 'township', in the Russian Empire the volost took on ever more responsibilities after the emancipation of the serfs (1861).

Measurements

One **verst** equals 1.06 km. One **sazhen** equals 2.13 metres. One **arshin** equals 0.71 metres; one **vershok** equals approx. 4.45 cm.

One **desiatina** equals approx. 2.7 acres; one **sotennaia desiatina** equals 10,000 square **sazhens**; one **square sazhen** equals approx. 4.55 m².

One **pud** equals 16.8 kg. One **Russian pound** equals 0.409 kg. One **pudovka** is a measurement of volume, similar to pud as a measurement of weight. One pudovka of water weighs one pud.

The ZMO online series Texts in Context presents previously unpublished historical and contemporary sources from the ZMO research regions in original versions and with translation into German or English. ZMO thus makes primary materials available that reflect important voices and discourses of non-European modernity and whose underlying debates shaped and continue to shape social life and political or religious interactions. Each of the texts published here is introduced by a short essay explaining the contexts and, where possible, the circumstances of their creation and, if known, providing relevant information about the author. The main task of the essay is to present the relevance and significance of the source presented and to provide references to the relevant fields of research and scholarly debates.

Texts in Context No. 3 online:

The Leibniz-Zentrum Moderner Orient (ZMO) is the only German research institute devoted to an interdisciplinary and comparative study of the Middle East, Africa, South, South-east and Central Asia from a historical perspective. Current research focuses on the interaction between predominantly Muslim societies and their relations with non-Muslim neighbours. ZMO was founded in 1996 as one of six non-university, non-profit research centres in the humanities. Since 2017 it has been a member of the Leibniz Association.

ISSN 2751-4277
© ZMO 2023

This text may be downloaded only for personal research purposes. Additional reproduction for other purposes, whether in hard copies or electronically, requires the consent of the author(s), editor(s). If cited or quoted, reference should be made to full name of the author(s), editor(s), the title of text in context, the year and the publisher. For questions and comments, please contact ZMO.

The Tatar Poor. A Statistical-Economic Report on Two Tatar Villages in Kazan Province

Konstantin Lavrskii, Kazan, Provincial Administration Press, 1884

Translated by Aleksandr Lange

(p.3) With the permission of His Excellency, the head of the province, a subscription (*podpiska*) has started and is currently under way for collecting donations on behalf of peasants who suffered during the poor harvest last year. One can judge the importance of private donations as a source [of support] in the present case because, when it comes to provisions [for] families that do not have their own grain at all, there are no other sources for offering non-repayable grants (*bezvozvratnye posobiia*).² And yet—to use words [from] the recent circular by His Excellency, the Minister of the Interior—‘taking care of analysing and applying all the measures necessary for providing for the people falls under the authority of the responsible *zemstvo*’—and in this respect, ‘*zemstvos* are granted extensive rights’, including the right to self-taxation. Apart from that, ‘in exceptional cases, the government itself finds it possible and necessary in these matters to help the *zemstvos* with loans of food sources shared across the empire,’—while the *zemstvo* is not unconditionally bound to pay back this loan through a levy on the very peasants among whom it is going to be distributed: [the *zemstvo*] can and is indeed obligated to the government, in case of the insolvency of those receiving loans and grants, to pay off the government loan from the common *zemstvo* account, that is to say, split the costs between everyone paying *zemstvo* dues. But even in this case, private donations are absolutely inevitable, and we repeat, [they are] even the only means to eliminate the most ‘acute’ manifestation of such a tragedy (*bedstvie*) as a widespread poor harvest across an entire province. Indeed, the reader already knows about the sum provided by the government to the *zemstvo*—377 thousand (against [the sum of] just over 532 [p. 4] thousand requested by the Emergency District Assemblies [*Ekstrennye Uezdnye Sobraniia*])³—first of all, [the sum] is meant exclusively for loans, i.e., it will be dispensed on the condition of repayment, whereas there is a multitude of families from whom [demanding] repayment would be unthinkable because of their utter poverty (*neimushchestvo*) and powerlessness; second, loans for provisions will be granted, and only in the most exceptional and most dire (*neobkhodimeishie*) cases, according to the following calculation: nothing will be granted to working men (aged 18–55) and children under 5, for the rest: 1 *pud* per month for each of the first two dependents (*edoki*) in a family and 20 pounds for other dependents. Thus, in most cases a loan for a family of five (with one worker and one child) should be 3½ pounds per day for everyone.

And yet, one could hardly doubt that taking care of sowing⁴ the fields will be a number one priority for the *zemstvos* and their agents as well as for the peasant communities (*krest'yanskii obshchestva*), because an influential minority that deals with communal business in these communities (*obshchestva*), of course, belongs to the category of peasants who will require no [loans] for provisions but loans for sowing [the fields]; especially because the *zemstvo* decided ‘to avoid duplicating loans whenever possible to the same recipients in need (*nuzhdaiushchiesia*), i.e. for both provisions and sowing.’

Finally, regarding non-repayable grants: the Kazan Provincial *Zemstvo* (*Kazanskoe Gubernskoe Zemstvo*) has not allocated any *zemstvo* means for making them available since the 10,000 roubles allocated for this [purpose] are the remainder of the private donations raised by subscription in previous years following bad harvests. The suggestion made by the assembly deputy Vasil'ev about allocating, in addition to this sum, at least 5,000 roubles from the Kazan *Zemstvo* budget was rejected by the assembly by an overwhelming majority of votes.

Thus, the question of provisions in the present case is, one could say, unsolvable without private charity grants.

Unfortunately, the ideas prevailing in society—about how [great] the presently discussed need of peasants is—are overly abstract (*otvlechennyi*), if one could say so, and therefore colourless and [p. 5] undefined. Of course, anyone can understand the word ‘need’—but only the word; the facts that lend meaning to this word are not familiar to many and can only inspire vivid images that speak to the heart and mind in the imaginations of a few. And this is not surprising: in the city where the vast majority of the population do not feel the grave consequences of a bad harvest in their everyday lives; where even a beggar (*nishchii*), as a result of a bad harvest, hardly reduces the amount of his usual consumption (and maybe hopes to feed himself even better than usual thanks to the opening of ‘cheap canteens and the distribution of free lunches (*darovoi obed*)’—[this is] quite the usual way of charity in times of calamity such as today’s); in the city, nothing gives it away, nothing could remind us of what is going on in the village; how a multitude of people survive (*perebivaiutsia*) there, [people] who, if they do not have grain, lack the money to buy it because they have no earnings. [There is] no one to purchase their labour or even their cattle, or at least the price of anything a peasant could sell to buy grain falls drastically. The vast majority of city-dwellers know about all of this only through hearsay, and unfortunately there are not many occasions to hear about it: the fuss of noisy city life constantly overpowers the weak echo of the village peasant’s need coming from afar. Wishing to, wherever possible, complete this lack of a factual basis (*podkladka*) in the concerns and rumours (*tolki*)

² Editor’s and translator’s note: The original Russian term is sometimes offered in parentheses, with nouns and adjectives mostly given in the nominative case. Russian words are italicised. Brackets indicate that words were not there in the Russian original but considered necessary additions for the English translation.

³ Editor’s note: Brackets are also used as parentheses within parentheses.

⁴ Editor’s note: Where non-Russian words appear in italics, they were invariably italicised in the original text.

'on the question of provisions' roused by the bad harvest, we intend to bring to the readers' attention a small, strictly factual report on the economic (*khoziaistvennyi*) conditions or, put more precisely, on the economic decline of two villages in Kazan Province, which we examined as recently as in the summer and autumn of last year, 1883. The author of these lines took part in the homestead statistical census (*podvornaya statisticheskaya perepis'*) organised by the Provincial Zemstvo in order to become thoroughly familiar with the state of the villages most burdened by food debt (*prodovol'stvennye dolgi*). In four districts, 138 such villages were studied: the census data compiled into tables constitutes the contents of the special collection (*sbornik*) published by the zemstvo; but for the majority of the so-called reading public, such a book is not easily accessible, [because it] is full of numbers and tables that require (p. 6) attentive and laborious comparison, [the numbers and tables are] precious as data for inquiries and study but completely unsuited 'for reading' in the narrow sense of the word. With this in mind, we will only allow ourselves to use an insignificant part of these interesting data for the present report, which [we] will try to mould in a legible way whenever possible, not promising, however, to remove numbers and calculations from it completely, as one absolutely cannot do without them (as anyone should understand), provided the reader does wish to form definite and precise ideas about the subject of interest to him. Incidentally, at the end of the report, to illustrate the numerical data, we provide lists of names of particularly destitute families that speak the language of facts understandable to all.

As the most destitute part of the peasant population in Kazan Province—as everyone knows—are Tatars, I have chosen as the subject of the present report [two] Tatar villages that are not even in the worst condition (thus, the census has shown that in the Mamadysh and Tetiushi districts, Tatars are overall even poorer [*eshche bolee bedstviuit*]). The two villages that will be discussed [are] called Stepnoe Ozero and Krivoe Ozero [and] are located in the southern part of Chistopol District, in the Egorkinskaia township (*volost'*), almost on the border with Samara Province, in one of the most remote areas: they are more than 100 versts⁵ away from the Kama River (to the south) and the same [number of versts] from the Volga [in the east]. They neighbour each other, sharing a plot of land (*nadel*), [they] own land in an alternating strip pattern (*cheresposlosno*), so that they form one village, as it were, which allows [one] to examine both of them together, without separating [them]. But before proceeding to this examination (*rassmotrenie*), I must present the reader with a report on the question that in this case must interest him above all others, namely: To what extent can he rely on the validity of the information offered to him? [The information] falls into two ranks: [first], the information on the area of the land used by these two villages, the amount of duties (*podati*) and dues (*sbory*) they pay, the amount of arrears (*nedomimki*) they owe, the number of audit souls (*revizskie dushi*)—[these are] based on official data and (p. 7) docu-

ments⁶ and therefore cannot be doubted. The information of the second rank—on the number of homesteads, population, on the inhabitants' ages, number of cattle, buildings, agricultural tools, and the area of the land sown by each homestead—was gathered through personal surveys and examination (wherever possible) and thus can contain mistakes and inaccuracies, be they, let us assume, insignificant [ones]. All precautions were taken in order to receive the correct data: the census was conducted during the time off work in the fields (in the middle of June): almost every homestead in both villages was visited by us personally; a crowd of curious neighbours was always present there; when it came to questioning women who could not speak Russian, we could partly follow the accuracy of the translation, having learnt some Tatar words and numbers in advance. Lastly, the very setting of a homestead provided an opportunity to gauge the accuracy of the statements: houses (*izby*), vegetable gardens (*ogorody*), everything there is in the homestead (*na dvore*), and in many cases even in the house itself, people of all ages—all of this [we had] before our own eyes, [and was] listed by our own hands, and that is why it seems to us that, with this way of conducting a census, we have the right to insist on the high degree of validity of the data collected by us. As to the area of ploughed land (*prostranstvo zapashki*) in the two fields—here [we] had to rely on the testimonies of the householders themselves: there was no opportunity to check them by examining and measuring the field sections (*zagony*)—we had to hurry to complete the census before the start of work in the fields. But this data can be verified another way: it is officially known how many audit souls there are in these villages; for each soul in every village the same amount of arable land is defined; each householder said how many souls he owned land for: how much of it he sows on his own, how much he leases from others, or how much he rents out.

[While] comparing all these testimonies with what is known from official sources about the number of souls and the area of the allotment (*nadel'naia zemlia*), one cannot fail to acknowledge that these testimonies are quite close to reality. Thus, for example, from the proprietary record it follows that these two villages own 3,152 *desiatinas* and 2,160 square *sazhens* of all (p. 8) arable land; including the area good for cultivation, determined according to the measurements of the land surveying officials from the Ministry of State Property—2,152 . According to the peasants' testimonies given during the census, the cultivation output (*pakhotnoe proizvodstvo*) of the three fields of the allotment land was defined as 1,894½ *desiatinas* (totalling from 435 testimonies); 257½ *desiatinas* fewer than planned, but it is quite natural, since in reality a certain part of the arable land is lost for cultivation boundary-strips (*mezhniki*), field roads and paths, ravines (*vodoroiny*), and the like. In the same way, it is known from the contract that the peasants of Stepnoe Ozero lease two plots of government land (*kazennaia obrochnaia stat'ia*), adjacent to their allotment measuring 621 *desiatinas* and 1,050 square *sazhens*. When questioned at a village gathering (*skhod*), the peasants stated that they had di-

⁵ Editor's note: See the glossary for an explanation of the measurements used.

⁶ Proprietary record (*vladennaia zapis'*), works by the Cadastral Commission, tax payment notices (*okladnye listy*), and the like.

vided this land into 310 parts (*zhrebii*); when the census [was conducted] each [person] who took part in the lease reported how many parts he had; eventually, it turned out to be 305; but the remaining 5 parts were found afterwards during censuses in other villages, [in the possession of] the peasants from the latter [villages] who leased them from the Tatars. Thus, here as well the truthfulness of the statements was verified through the cross-examination of the data. All of this allows [us] to consider the data on the amount of sowing (*posev*) [done] by the peasants in these two villages to be no less reliable than other data. A simple arithmetic calculation shows that on the leased government land, there are $\frac{2}{3}$ of a *desiatina* per part (*zhrebii*) in each field; concerning the area of cultivated allotment land (*nadel'naia pashnia*), in all three fields it comprises 2.33 *desiatinas* 'per soul', namely: one field is 17 *sazhens* in width and 120 [*sazhens*] in length per soul, another 14 *sazhens*, and the third 13 *sazhens* (the length being the same everywhere—120 *sazhens*); there is also a special small field, where 400 square *sazhens* were cleared of shrubbery and measured per soul; but many do not plough here at all, choosing to use this space to grow grass.

After these preliminary remarks, [we] proceed to a detailed examination of the two villages chosen by us [to serve] as examples from the point of view of the question of provisions.

The land of these two villages stretches in a thin strip from north to south for 12 *versts*, bordering the river Bol'shoi Cheremshan on one side, and the government land that separates it from the steppes of the Samara (p. 9) Governorate, on the other. To the right and to the left, there are lands of other state peasants—Chuvash and Russians, who, however, have much larger lands counted per audit soul, in some cases even twice the size of the lands owned by the Tatars of Krivoe [Ozero] and Steпноe Ozero; the latter have 4.1 *desiatinas* per soul. The lands [there] are deep black earth (*chernozem*) of the highest quality everywhere. The ploughland, as is the case in these parts, is never fertilised; the local peasants, especially the Chuvash, and even educated landowners do not recognise the necessity for manure fertilisation 'on the black earth'; Tatars do not share this view, and if not for the tense waiting period of the 'audit' (*revizia*), followed by the reassessment of the land 'with new souls', without a doubt they would be the first in this area to set an example in manuring the fields, for in the previous years at least some of them would successfully apply [manure] and tell about the fabulous harvests following generous fertilisation. Tatars did not receive a plot of forest land, but they have much shrubbery, which the poor use for heating and [to construct] wicker fencing. Fuel and timber wood are not far away: immediately behind the Cheremshan [river], the enormous forest lands (*lesnye dachi*) of the Messrs Anosovs and Ms Neidgardt begin, from which the wood is sold 'by root' (*korniami*), in cartloads (*vozami*) and in *desiatinas*. The worst cartload of wood (boughs) can be cut down for 15–20 kopecks here, a cartload of average quality within the power of one horse [can be cut down for] 50–60 kopecks. The very best, ready, cut-down cubic *sazhen* of wood in the forest costs 4 roubles on the spot.

Thus, in this regard, the local peasants find themselves in relatively auspicious conditions. They also have a water-meadow (*poemnyi lug*): according to the testimonies of the peasants in Steпноe [Ozero] and Krivoe Ozero, [they] cut down about 20 *puds* of hay 'per soul'. [We] will talk later about the earnings and trades (*promysly*) of Tatars outside of their lands: for now, [we] will only remark that in the last ten years the Tatars, almost certainly due to the pursuit of these earnings, in spite of all the above-mentioned conditions, experienced the worst degree of economic decline in comparison with their neighbours—the Russians and Chuvash. To allow the reader to form a vivid picture of this, we will divide the entire population of the Egorkinskaia volost (with the exception of two Russian villages, former serfs [*pomeshchich'i krest'iane*] with different living conditions) into 7 groups (p. 10) based on the degree of their economic viability (*sostoiatel'nost'*) and compare the number and the ratio of homesteads in each group—the Tatars of Krivoe [Ozero] and Steпноe Ozero on one side, and all the rest (the Chuvash and Russians) on the other. Here are the numbers that allow us to make the comparison.

Table I

Group	Peasant homesteads based on the degree of their economic condition	In 12 Russian and Chuvash villages		In 2 Tatar villages	
		Number of all homesteads	Out of 100 homesteads	Number of all homesteads ⁷	Out of 100 homesteads
1	In possession of 3 horses and more	527	39.5	35	8.3
2	2 horses	325	25.5	72	17.2
3	1 horse and a cow	200	15.0	113	27.2
Total number of relatively wealthy homesteads		1052	79	220	52.2
4	1 horse but no cow	137	10.2	88	21.0
5	no horses	63	4.7	44	10.4
6	the land is not cultivated (<i>beskhoziainye</i>) ⁸	58	4.3	52	12.3
7	no land	24	1.8	16	3.8
Total number of poor homesteads		282	21	200	47.5
Total		1331		420	

(p. 11)

We shall not go into commenting on these numbers: [we shall] only note that we are not dealing with some random occurrence here; not only here but all over the governorate, with small variations, [we] observe a similar relation be-

⁷ In Krivoe Ozero, there is one homestead in the no-land group that belongs to a rather wealthy urban commoner (*meshchanin*) who almost exclusively trades, buys [things] up (*skupshchichestvo*), and practices usury (*rostovshchichestvo*). I have excluded this homestead from the calculation as interfering with the conclusions.

⁸ *Beskhoziainye*—we term such a peasant homestead as one which has land, but is not cultivated and only the house (*usad'ba*) is used, and [it] is "sold" as peasants say, i.e., it is leased for money or "tributes" (*podati*).

tween the Tatar and the Russo-Chuvash villages; the difference in the relation of economic viability between them is similarly stark [and] pronounced (*rezkii, reshitel'nyi*) everywhere. Here is not the place to touch upon the intricate question of the causes of such an occurrence—[causes that are] varied, lying in the distinctive features of the Tatar tribe (*plemia*) that go back deep into the past (*ukhodyashchie v glub' istorii*)—and keeping in mind the question of provisions. Discussing the causes like this is both pointless and untimely. Now we only intend to portray the fact of poverty itself, weigh it on the scales of a strictly factual examination, and if possible, find out, which means the population itself possesses to sustain itself until the next harvest. From this point of view, first of all one circumstance draws attention to itself, that in the two villages examined by us, the number of homesteads that can be called wealthy (*zazhitchnyi*) (1st group) is very insignificant (*nichtozhnyi*): only 8 out of a hundred homesteads, whereas the Chuvash and Russians have around 40 such homesteads per hundred. This circumstance indicates that in the impoverished Tatar villages, in case of a bad harvest, this calamity can always have the most acute character. In an area (*raion*) where there are 40 wealthy homesteads and the same number of [homesteads] that can sustain [themselves] without external help, the remaining 20 have at least someone to ask for help, work, a loan (*ssuda*), alms (*podaianie*). But when the situation is such that a tiny group of wealthy families is surrounded by a multitude of starving [people], when the former number 35 and the latter 200—then obviously it is unthinkable to do so without outside (*postoronni*) external help. Undoubtedly, this help will come, first of all from the very same nearby Russo-Chuvash population. The latter are constantly besieged by a multitude of poor Tatars asking for bread and work even in a normal year. They travel in entire families, and the very fact of this wandering (*kochevanie*) bears witness that it reaches its goal, that one can subsist in this way. The alms are given not only out of pity but also out of fear: 'He is begging while spying out. [If] you (p. 12) don't give [the alms], you might [later] be missing a sheep or even a horse'—the Russians and the Chuvash say about the Tatars. Such is the situation in a normal year that, in a year with a bad harvest, all of this will naturally happen on a grander scale.

It was mentioned above that one of the reasons for the ruin of the local Tatars is seasonal work (*otkhozhii promysel*). This [seasonal] work—called 'burlachestvo' here—consists of travelling for work 'into the steppe', i.e. to the Samara and Orenburg Governorates and to the Ural Cossacks: [in order] to mow, crop, gather, and thrash the wheat (*khleb*).⁹ From a child of 12–13 [years of age] to the elderly, who [can] barely drag their feet, not to mention men and women of working age—every year all the Tatar poor, beginning in the month of June, rush into this vast 'steppe', drawing hope not from their proper household economy (*khoziaistvo*) (if it is not entirely abandoned yet) but from the high pay for the labour 'in the steppe' in case of a good harvest of grass and grain. Families that are not poor and even the wealthy engage in this, and it is profitable for them: they send the surplus of their workforce away for [seasonal] work to no detri-

ment of their own household economy. And even if only the *bol'shak*—the workers' supervisor—alone remains in the house, this is also profitable because one good worker in the steppe can earn five or six times the amount of money [it costs] to hire his poor neighbours instead, having given them money in advance in the winter when they have no grain: under these circumstances, a poor neighbour can be hired for 3 roubles, while the same job in the steppe pays 12 or even 18 roubles. The numbers are not fictitious: in the books of the local township administrations (*volostnye pravleniia*) [containing] contracts and agreements, you will find plenty of conditions for harvest collection (*zhnitvo*) at 3½ and even 3 roubles per *desiatina* of 4,000 square *sazhens* (a usual measure of land 'in the steppe') and at the same time it is known that at harvest-time (*strada*), 'in the hot season' (*v goriachuiu poru*) the pay for harvesting per *desiatina* increases to 18 roubles and even higher at times, while 12 roubles is quite a usual price. Apart from a money payment, for such 'desiatina', payment is also supposed to be given in kind: 1 *pud* of flour, 10 pounds of groats, 1 pound of salt, and sometimes even 1 pound of butter. It is this circumstance (p. 13) that makes it possible for the poor Tatars to travel to the steppe for seasonal work in entire families: in an *artel*, next to the grown-ups, children can somehow also find food. Of course, alms and charity also play a certain role here. The ration size mentioned above has evidently determined itself on its own, so to speak, by experiment (*putem opyta*): this is obviously as much [food] as [is] necessary to eat for the amount of time required to harvest one *desiatina* of 4,000 square *sazhens* in favourable weather. If the harvest is delayed due to weather or the *desiatina* happens to be hard to work (*nesporaia*) (for instance, with a large admixture of weeds), then this ration is not enough, and it now depends on the mercy of the owner to add somewhat to it or make workers buy provisions at their own expense. In any case, this ration is a convenience for both sides: the employer does not have to take troublesome care of the *artel*'s provisions; the worker gets the opportunity to apply the workforce of his entire family: the elderly, the adolescents, even children, and—what is even more important to him—[he] is not bound by taking care of provisions for the family [members] who stayed at home: 'omnia mea mecum porto',¹⁰ he could say when setting off for the steppe with his entire family on his own horse, having put onto his cart (*telega*) some clothes and the unavoidable *samovar* that serves him instead of the hearth. On the road and during work, the horse eats whatever it finds (*chto Bog poslal*) pasturing. In some places, in beautiful spots, a forest clearing, on the shores of a lake or a creek, you will often meet such *burlak* families—a resting Tatar: in the bushes, children are playing merrily, the *samovar* is merrily boiling, the horse is grazing looking satisfied, the Tatar [woman] is taking the coveted pieces of bread and some sugar from a dirty sack, the mighty figure of the father of the family lying on the grass. Without a doubt these are the happiest moments in the lives of such families: [it is] warm, bright, everyone is looking around in such a friendly manner 'in the heart of nature' (*na lone prirody*)—what a contrast with the dark house, with no panes in the windows, humid, cold, and cramped, [a house] that held this family in

⁹ Translator's note: depending on the context, the Russian word for bread (*khleb*) can mean bread, wheat, and grain.

¹⁰ Translator's note: Latin: 'All that is mine I carry with me'.

its embrace, as frightening as a grave, for so many months... And according to each and everyone in this area, there is no worker better than a Tatar, he is irreplaceable during the hard work at harvest-time, he does wonders, [he] amazes [one] with [his] incredible physical exertion. Naturally this should be followed by a reaction—one cannot 'exert oneself to the utmost' (*nadryvat'sia*) all year round, and now everyone complains about the very same Tatar: 'he prefers to lie down (p. 14) hungry than go thresh [the wheat] for 15 kopecks a day'. If one does not take into account this natural reaction, one will never be able to understand these contradictory reactions to the Tatar as a worker: today they wonder at him and put him above workers of all other peoples (*natsii*), tomorrow [they] portray him as some sluggard (*lentiei*) and lazy-bones (*lezheboka*).

'Burlachestvo' is the result of the settlement of the Samara steppe—in particular [the result of] the appearance of rich German colonies in place of the Kalmyk nomads' camps close to the area described by me—which led to drastic consequences for the everyday life of local Tatars: Russians and Chuvash, by nature less mobile, were not enticed by the lure of good earnings in the steppe; few of them went for seasonal work. The poorest of Tatars engaged in this kind of work to the detriment of their own household economies, and so we see just in two villages almost the same number of uncultivated (*beskhoziainye*) homesteads (52) as in all 12 Russo-Chuvash settlements of the same volost (58). The state of complete 'beskhoziaistvennost' or [something] close to it (which includes all 200 of the homesteads that we discuss) undermines the profitability of seasonal work. Side earnings cannot provide enough to buy grain, clothes, shoes, and fuel, and pay duties for the entire winter and spring. While a wealthy peasant needs to buy hardly anything, a poor [one] needs money on a daily basis: he does not sow or nearly does not sow any wheat, he does not cultivate flax or hemp—his wife does not have anything to weave from; he does not have sheep, and therefore has no sheepskin for a coat, [he has no] wool for a kaftan or *valenki* [a type of felt boots]; he has no cow—[his] children are without milk; [he has] no horse, because there is no fodder; he must hire one for tillage, transporting sheaves, and going to the forest. How long will the 20–30 roubles brought from the steppe last? Not to mention those cases, when, while in the steppe—because of the temptations of the homeless, wandering existence—a significant part of the earnings remains there: 'At home they wouldn't dare, but in the steppe, they drink vodka.' Thus, the winter passes in a desperate search for a loan to sponsor future work. And it is when the price of harvesting a *sotennaia desiatina* drops to 3 roubles, and often [one] does not go to the steppe at all, because at home, so much work is taken on from wealthy neighbours in the winter that by the time it is done, in the steppe all the wheat (p. 15) will have been harvested. Apart from fellow villagers (*odnozhiteli*), German colonists—who have plenty of regular annual workers [recruited] from among the Tatar adolescents—also advance money. By sending children off to work for the Germans, local Tatars are in constant touch with the colonists, hence they have the opportunity to borrow money from them, under the pledge of future work, to buy grain. Sometimes instead of money, they directly receive potatoes or flour. Having settled on the price at the

volost administration, the Tatar writes some sort of 'debt bondage contract' (*kabal'naia zapis'*)—[this is] a condition or rather even an obligation, and guarantors are required at that—and takes this document to the 'German' (*nemets*) and receives money in advance. Another way to procure money to buy grain is to 'sell the land' (*prodat' zemliu*), i.e., to rent out one's own allotment. This is done without the mediation of the volost administration but also under the local (*domashnii*) written terms, and here usually the allotment dealer (*skupshchik chuzhikh nadelov*) serves as the middleman, since a Chuvash or Russian peasant is afraid to lease land directly from a poor Tatar: the instances of fraud—for example, leasing the same allotment to several hands—were evidently too frequent. Thanks to this, the price of land dropped to the extreme, so that, for example, this year [in the case of] the Tatars of Krivoe Ozero and Stepnoe Ozero, 'souls were sold' for 4 roubles, whereas up to 8 roubles per soul are to be paid in various dues (*okladnye platezhi*). It is not surprising that, under these conditions, unpaid arrears accumulate.

Now only various non-agricultural trades remain to be mentioned: indeed, among the local Tatars, there are plenty of carpenters, sawyers, brick-makers, navvies; many earn their living by weaving bird cherry tree baskets for tarantasses [four-wheeled carriages], but the very names of these trades indicate that they are meant for the needs of the peasants themselves, and in a bad harvest year, such trades cease almost entirely.

Year after year, this state of affairs has brought the local Tatars into a desperate state. Their arrears, when combined with the food debt, are so big that even if all their cattle were sold, all their houses and all other belongings (*domashnii skarb*), it would not cover half of their debt. They are aware of this state [of things], and this realisation has a depressing influence on them: a Tatar who has lost everything never forgets that he cannot (p. 16) acquire anything, because everything he acquires, he will be forced to sell to pay back the arrears. The law that provides for the inviolability of the peasant's cattle, tools, and buildings necessary to the household economy is in practice very easily circumvented: the volost foreman (*volostnoi starshina*) orders the village headman (*starosta*) and a duties collector (*sborschchik podatei*) to file a complaint against the defaulter for 'avoiding payment back out of obstinacy (*uporstvo*) and negligence (*neradenie*)'; the volost magistrate—'[to inspire] fear and as an example for others'—sentences him to birching if the payment is not made by a certain time; during this period, [they] look for a buyer for the land or the horse, the barn, and the like, and the defaulter 'voluntarily' pays back what is demanded from him. However, sometimes the village headman reaches the same outcome even without a magistrate: using the authority invested in him, he puts the defaulter 'in the cellar' (*v podpol*) and keeps him there in the cold and darkness for the legally allowed period of time. Of course, [one] rarely resorts to these means, first, because no one—among those who are facing such a fate—buys anything; [and] secondly, because the village headman will not indiscriminately deal with anyone in this way... With this in mind, it is clear what enormous power the wealthy part of the population—from whose ranks village headmen, collectors, and volost magistrates are

elected—acquires in 'communal' affairs (*dela mira*), in all affairs discussed at the [village] gathering (*skhod*). Their word is law for the masses that depend on them at almost any point [in life]. Thus, for instance, this autumn the entire Egorkinskaia volost refused a loan for, despite [the fact that] many had to buy rye seeds at a very high price, and some did not sow any at all. And yet the influential part of the peasant commune either had some seeds in the previous year's wheat haystacks or the opportunity to borrow from each other; and if the poor, because of the shortage of seeds, begin 'selling souls' at a lower price, then it is even better for those who 'buy' them...

But let us turn to the numbers that portray the economic situation of 200 homesteads that became poor and which are to be considered by us—[numbers are] better than words.

(p.17)

Table II

	Groups				Total	Per-centage
	I	II	III	IV		
	Horse but no cow	No horse	No cultivated land	No land		
Total number of homesteads	88	44	52	16	200	100
Including homesteads with...						
no horse	–	44	38	12	94	47
no cow	88	37	49	11	185	92.5
no sheep	81	42	52	15	190	95
no cattle at all	–	35	36	11	82	41
no buldings except for a house	37	29	33	11	110	55
no glass in windows (a [stretched animal] bladder [instead]) ¹¹	14	7	9	2	32	16
no house [they] live in a rented flat)	2	1	10	–	13	6.5
no plough	35	37	52	16	140	70
no harrow	46	38	52	16	152	76
no telega	1	28	39	15	83	41.5
no potatoes planted in the vegetable garden	–	–	12	1	13	6.5

¹¹ This information about the windows concerns only one of the villages, Stepnoe Ozero; no data has been collected on the number of 'bladder' houses in Krivoie Ozero. In Stepnoe Ozero, the overall number of houses in all four categories of homesteads is 51, thus almost ⅔ of them do not have glass windows

(p. 18)

Having considered what these homesteads lack, let us look at what they have and how much they sow.

Table III

During the census in June 1883 there were:	homesteads	horses	cows	colts	calves	sheep	lambs	goats	hens	houses	other buildings	telegas	ploughs	harrowes
with a horse (no cow)	88	88	–	6	16	18	14	17	138	86	73	87	53	42
no horse	44		7	–	6	5	6	1	40	54	18	16	7	6
no cultivated land	52	14	3	–	–	–	–	1	19	42	10	13	–	–
no land	16	4	5	1	3	10	5	–	6	16	5	1	1	1
Total	200	106	15	7	25	33	25	19	203	189	106	117	61	49

If [one] converts all of this into money, estimating the price of a horse on average [to be] 15 roubles (those who know what sort of horses these are will probably find this estimate exaggerated), [the price of] cows at 20 roubles, colts and calves at 5 roubles, goats, sheep, and lambs at 3 roubles, hens at 20 kopecks, a house at 15 roubles, barns at 10 roubles, telegas at 2 roubles, ploughs, and harrows at 1 rouble apiece—thus we have 6,677 roubles and 60 kopecks, the sum that expresses the property value of 200 homesteads with a population of 934 people, which makes an average of 33 roubles and 77 kopecks per homestead and 7 roubles and 15 kopecks per living soul (*nalichnaia dusha*).

But to this, [we] should also add the field crops and potatoes in the vegetable gardens; considering the potato yield to be sam 4,¹² minus [the potatoes that will be used] for seeds, [the final yield is] sam 3, and counting only those homesteads where potatoes were planted, we can provide quite exact data on the subject, using the information from our census:

¹² Translator's note: sam is an old Russian measurement unit that indicates yield. For example, sam 4 means that each planted potato will yield four potatoes.

(p.19)

Table IV

Number of <i>desiatinas</i> in two fields										number of measures (pudovka)
out of which										
homesteads	number of homesteads	allotment of land	is leased out	is sown by the owner	leased	total crops	per homestead	per one male worker	in 1883 potatoes harvested	homesteads where potatoes were not planted
1. With horse (no cow)	88	249	41	208	53%	261½	2.9	2.57	2025	23
2. No horse	44	94	16½	77½	7%	85	1.9	1.23	840	19
3. No cultivated land	52	142	142	–	–	–	–	–	634	16
4. No land	16	–	–	–	9%	9%	0.6	1.37	180	12
Total	200	485	199½	285½	70 %	356	–	–	3679	19½

In this area, in the spring-sown field (*iarovoe pole*), most of the time emmer wheat (*polba*) is sown; barley and wheat are not sown at all; there is little buckwheat. Regarding the poor homesteads, they sow almost no oats. With this in mind, we will not be far from the truth if we suppose that half of the crops shown in this table are entirely emmer wheat, and thus we will calculate how much grain the homesteads considered by us could harvest. Harvests of rye grain are not worth mentioning because there were literally none (the poor especially [did not have any], who being busy working for others sow late and often cultivate their land by hiring [someone else] because they leave for the steppe; a badly cultivated, sparsely, and belatedly sown field becomes overgrown with grass to such an extent that even with a generally good harvest it yields less than other, thoroughly cultivated fields; and this year, it was not even worth harvesting such fields [*takie zagony ne stoilo dazhe ubirat'*]). This year, the emmer wheat yield was expected to be very good, but in the area I am talking about, these expectations were not met: the sudden loss of a significant (p. 20) part of the spring crops was added to the truly bad rye harvest, as a result of an unusually strong wind, which raged for two days at the very beginning of the harvest. In the report of the volost administration to the district police officer (*ispravnik*) this wind was called 'similar to a hurricane', and this comparison is quite appropriate: I heard, for instance, an account of a witness about how this wind toppled over a peasant horse with a plough in front of his eyes. It is generally believed that up to ½ of the grain partly spilled out and partly was knocked to the ground with its ears. Considering this, we will probably be embellishing the reality a little if we suppose that the emmer wheat yield from one *desiatina* [of land] was 8 telegas, and 5 telegas (kernels only) if ground. According to this highest possible calculation, 88 homesteads of the first group with 130 *desiatinas* could

get 5,200 puds of emmer wheat; subtracting 1,560 puds for seeds (12 puds per 130 *desiatinas*), and we get a remainder of 3,640 puds for 88 homesteads with a population of 444 people, which amounts to 40½ per homestead or approximately 8½ puds per person. The next 44 homesteads, according to the same estimate, could get 1,700 puds from their 42½ *desiatinas* of spring-sown fields, and minus [the yield that goes] for seeds, they could have been left with 1,190 puds for food, i.e., 27 puds per homestead or 5¾ puds per person. Among the peasants with no land, crops were sown in only 4 homesteads (on average 2½ *desiatinas* per homestead); the yield from spring-sown fields could have brought them about 32 puds per homestead.

Now, summing up all these calculations, we are right to say that seven to eight months ago, the 200 homesteads analysed had the following foodstuffs in their possession: the 136 homesteads that had crops had 4,969 puds of emmer wheat and 2,913 measures (*mery*) of potatoes; from among the remaining 136 homesteads, 51 homestead had only 766 measures of potatoes, and 13 homesteads had neither potatoes nor wheat.

The meaning of these numbers will become clearer when we represent the population of these 200 homesteads and its workforce in the following table:

(p.21)

Table V¹³

of working age										
homesteads	number of homesteads	children	adolescents	elderly women and men	total	men	women	total population	per homestead	men able to work
1. With horse (no cow)	88	154	28	27	209	123	112	444	5.0	110
2. No horse	44	76	19	8	103	49	54	206	4.7	43
3. No cultivated land	52	97	14	16	127	57	57	235	4.3	47
4. No land	16	18	6	3	27	6	16	49	3.0	5
Total	200	345	67	54	466	229	239	934	4.6	205

This table clearly shows that the poverty of a homestead increases as the number of men able to work decreases, while the overall population of homesteads also decreases. But, the lower population of a homestead, the poorer it is, the more dependents there are per worker. In [homesteads] with no land ownership, this disadvantageous relation reaches grand proportions; if we imagine the 16 homesteads with no land as a single family, then it turns out that per one man who is able to work, there are around 9 people he must provide for, because in this family that

13 In this table boys up to 14 [years of age] and girls up to 12 years are

consists of 49 people, there are only 5 men who are able to work. In reality, however, from among these 16 homesteads, 11 have no male workers at all: these are homesteads of widows and orphans. The reader will find a list of their names below; now, however, we will dwell a little more on statistical analysis of the question of the workforce in the homesteads and its relation to the number of homesteads. Let us look again at the first three population groups, (p. 22) which we decided to consider in part as wealthy (zazhitochnyi) and in part as well-off (sostoitel'nyi) (see Table I). A comparison of these groups with other [groups] in terms of their personal and workforce composition demonstrates even more vividly one of the obviously important causes of impoverishment in peasant life: the decline in the workforce of a homestead, meaning a decrease in the number of male workers per 1 homestead. In this group, there can be even more male workers than in another, but if—when counted per 1 homestead—there turns out to be fewer [male workers], this group ends up in the lowest rank by degree of its economic viability.

Table VI

	Groups						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
	in possession of 3 horses and more	2 horses	1 horse and a cow	1 horse but no cow	no horses	the land is not cultivated	no land
From among 100 inhabitants, the number of men able to work	22.3	20.9	23.7	25.0	20.3	20.0	10.0
Workers per homestead	1.97	1.54	1.32	1.25	0.97	0.90	0.31
Inhabitants per homestead	8.6	7.3	5.6	5.0	4.7	4.5	3.0
Number of dependents per one man able to work	3.37	3.78	3.21	3.03	3.79	4.00	8.80

These numbers cannot be accepted as sufficiently eloquent proof of the harm of family separation. It is hard to argue against this; peasants themselves realise this harm. In the area where I conducted the census, Russian peasants do not even use the words 'wealthy', 'well-off'—they just say 'a homestead with a big family' (sem'ianistyĭ dvor); the poor homesteads are called 'low-power' (malomoshchnyi) here. But at the same time, they consider family separation to be natural and utterly unavoidable: they use a good allegory that points to the root of this phenomenon, when they say, 'When a fledgling matures, one cannot keep it in the nest.' Here, the elderly point to the decline in reverence towards old people among the new generation, understanding (p. 23) quite well that one cannot reach a satisfactory result by applying force without that moral cement that used to hold big families together

called children; the next age [cohort] is called adolescents, 14–17 [years of age] for boys and 13–15 years for girls. Men of 18–60 years and women of 16–55 years are considered of working age.

er back in the old days. Indeed, the [family] separation in principle is not that two or three families went to live in separate houses but the [fact that] they do not want to and stopped helping each other by dividing labour. Under these circumstances, being in the same house, the same homestead or keeping common property, they have already split up, and no [village] 'gathering' can prevent this from happening (not to mention that a [village] gathering would never want to hinder a family separation). Chained together by force, families would start harming each other more instead of helping. From peasants' accounts of family separation, one could induce that in many cases a separation is a means to improve a situation brought into a sorry state by family disagreements. When instead of friendly cooperation, two or three families that do not live separately begin to harm each other in affairs big and small, thus wishing to precipitate a separation, then a separation is a cure, a lesser of two evils.

It is impossible to deny that family separations are one of the important causes of the impoverishment of the peasant masses, but this cause is listed in the same category as another, similar to it— *population growth along with the constantly increasing soil depletion*. One cannot stop by force the power of such mighty elemental drives as the human desire to have a family and be with this family one's own 'master', to become a separate economic unit. With this in mind, the fight should not be aimed at human nature but at the depletion of the natural environmental riches [and] their unwise exploitation.

(p. 24)

In Krivoe Ozero

1. Negmatulla Tokhvatullin. While conducting the census in Krivoe Ozero (21 June 1883), I noticed that I was closely followed, from one house to another and from morning till evening, by some Tatar, unusually feeble, short, sickly; his appearance made a painful impression on me: with his face puffed up, pale as a corpse, with motionless, muddy tin-coloured eyes, he could, it seems, hardly walk, leaning on a stick, panting, [he] spoke in a weak, cheerless voice. It turned out he was the lay policeman (desiatnik) Negmatulla Tokhvatullin, who had been appointed to look after me by the [village] headman as a translator and guide. As goes the saying, 'The full man does not understand the hungry'—having drunk much tea during the census in several wealthy houses (Tatars are generally very hospitable), only towards the evening did I realise that my poor guide had gone the entire day without eating and was close to fainting. We started talking, and it turned out that he had been ill throughout the spring, staying in bed for three months; now he had recovered and during the harvest-time would go to cut crops for the people in his village. The following day, I finally reached his house. In the middle of some abandoned lot, overgrown with grass, with no outbuildings (pristroika) except for a wattle inner porch (seni), it stood absolutely lonely resembling in size a peasant bathhouse (bania). These types of houses, apart from being cramped, are always cold and non-durable. While a wealthy peasant buys a log frame for his house (with a floor, ceiling, and jambs) for 120–150 roubles; a peasant with an average income [buys a log frame] for as cheap as

70, 60, or rarely 40 roubles; a poor Tatar like Tokhvatullin buys a log frame meant for a *bania* or a barn at an incredibly low price: Tokhvatullin, for instance, paid 8 roubles for his log frame, so that it cost him 15 roubles with the interior finishing (*vydelka*) and a stove. One can judge [the quality of] the house by this price only. [Houses like this] are usually made from the thinnest aspen timber; thin and curved logs cannot be fitted close enough to each other: the moss in between them does not hold well; the gaps need to be sealed up with clay. For the winter, to keep the warmth [inside], such houses are covered with manure all the way up to the windows. The house alternately freezes and rots—after three or four years it already looks decrepit; then the cleaning begins: the spots that have rotted are cut out, patches are inserted, and (p. 25) the more patches there are, the colder and nearer is the time when one cannot live in the house at all. Thus ‘cheapest is dearest’ (*deshevoe prikhodit na dorogoe*). I measured Tokhvatullin’s house, like many other such houses, in *arshin*; inside, from the entrance to the front wall, it turned out to be exactly four *arshins* [2.80m], 4½ across [3.20m]; from floor to ceiling [it was] 2 *arshins* and 6 *vershoks* [1.69m]. The stove and the plank bed left exactly enough space to make two steps from the entrance to the bed and two steps in front of the stove while cooking. There were no ‘windows’ in the real sense [of the word]: instead, there were three openings of the following sizes: one [measured at] 7×10 *vershoks*, another [at] 7×12 *vershoks*, and the largest [measured at] 9×13 *vershoks* [ca. 40.1 x 57.9cm]. In such houses, windowpanes and frames are out of the question: during the summer, a bladder is stretched over the openings, and in the winter, they are often in part stuffed tight with cloth and in part covered with a straw shield, so that people live in darkness. Accordingly, during the winter all the life-poisoning horrors come together in such a house: hunger, cold, darkness, and very often disease. What kind of air must there be in the house, where, hiding from the cold behind the armour of manure, six and sometimes ten people press close to each other—let us not elaborate on this. ‘The [fact that there is a] bladder [in the windows] is not important. If only there was bread,’ Tatars would often tell me during the census. In Stepnoe Ozero alone, I counted 42 such bladder houses during the census. Although all of them use a chimney (*topiat ‘po belomu’*) [to vent the smoke from the stove], they are all black: the stoves emit smoke—there is no money to get them repaired. The ceilings and walls covered in soot render these flagrant poverty shelters even more gloomy. As a result of all other [living] conditions, the constant going from the dark, smoky house out into the blinding light of the winter landscape covered in glistening snow is the most likely cause of blindness, common among Tatars. In the two villages discussed here, according to the notes I made during the census, I counted 37 completely *blind* people (mostly women), 13 *almost blind* people, and 23 people with more or less bad eyesight. The first and second groups together are 50 people, [which makes up] 2% of the entire village population (2,402), and all three groups make up 3%; if compared with the adult population only—since all of these 73 people, with the exception of one four-year-old and one thirteen-year-old, turned out

to be either of working (p. 26) age or elderly—then it turns out that per 100 adult people, there are more than three blind or almost blind. [This is] quite clear evidence that this disability (*kalechestvo*) is acquired with age. To judge the scope of this calamity, let us imagine that in Kazan [city] with its population of 140,000 there was the same percentage of blind and almost blind [people] as in these two Tatar villages: this would make 2,800 if we take two [blind people] per hundred, perhaps ten times the actual number. But let us return to Tokhvatullin’s house.

Here I found his entire family: his wife [who was] 35 years old but looked like an old woman, almost blind, disfigured by rheumatism at that—her fingers crooked, unable to straighten, her legs cramped, so she could barely walk. [There were] two children: two girls, 10 and 4 years old, stood right here, examining me with childish naïveté and amazement. Bare skin showed through the rags that served as a substitute for clothes. These were rags indeed: [they] bore traces of repeated stitching, which probably demanded much effort from the afflicted hands of the half-blind mother, but evidently never knew soap. The furnishings were in harmony with everything else: a kneading trough, a board for cooking, and two or three cups—that was literally all that was inside the house. Probably, everything had been sold off during the owner’s illness to buy food. There was not even a tin samovar, a common possession in even the poorest of Tatar families; these ‘samovars’ are known to be the permanent reason for Russians—both peasants and the ‘educated classes’, especially the latter—to criticise the Tatars. But the fact is that a samovar in this case also serves as a cauldron (*kotél*), which is often not there to begin with—it is the cheapest and most convenient means to make hot seasoning (*priprava*) for the food, consisting of bread and potatoes only.

In the autumn, I met Tokhvatullin one more time. He looked healthier, but the inherent frailty of course remained with him. He told me that during the summer he had barely managed to earn anything—he borrowed money from a fellow villager (*odnoselets*) and needed to work it off. They agreed on 1 rouble 50 kopecks per *desiatina* (official measure) on the owner’s wheat field. [His] sick wife also helped with the harvesting; they took the child with them, and for this time, [they] managed to find for their older girl (10 years old) a [work] placement ‘as a nanny’ (*pomestit’ v liudi ‘v nian’ki’*). Together, they worked the *desiatina* for ten days, and thus their daily wage (p. 27) was 7½ kopecks per person, whereas in the steppe one could earn one rouble a day or more. They did not manage to go to the steppe, first, because, as was already mentioned, they had to work off the money advanced for the harvest collection; secondly, there is a whole array of other reasons: the crippled wife cannot join the *artel*; neither she nor the child can walk far; it is too expensive to hire a horse for this, as some indeed do—the hire costs 5 roubles a month, and one has to pledge something as a guarantee of orderly payment and provide guarantors in case the horse dies or disappears. In view of such strict conditions set by custom in this region, few manage to hire a horse for the summer, and so, no matter how poor, a Tatar tries hard to have a horse and a telega of his own

to be able to go to the steppe with his family. Thanks to this, the percentage of horseless homesteads here is not as high as we observe in Tatar villages of other districts. With no horse and no telega, when leaving for the steppe, one has to either leave the family behind or not go too far and be content with worse pay for the labour. In Tokhvatullin's example, we have already seen the incredibly low level to which the payment can drop under these conditions. Tokhvatullin had his own crops at that: 480 square sazhen of ploughed winter fields (*ozim'*) were sown with millet (*proso*). (Because of the illness, there were no crops in the spring-sown field.) The millet turned out so bad, that it had to be cut down with a scythe—[he managed to] thresh only 3 *puds*. In the vegetable garden, 10 *pudovkas* of 'potatoes' were planted—40 [*pudovkas*] were collected. Out of these, Tokhvatullin put 15 'into a pit' for seeds. 'I hid what there was...', he said, 'if we don't have enough, we will eat it (*ne pospeem, tak s'em*)'— (the local Tatars and Chuvash only use the word *pospet'* in the sense of 'to be enough'). On the question of what they were going to live on through the winter, Tokhvatullin could not give a certain answer to me: 'It would be [good] to do some work,' he reasoned, '[but I] cannot leave the house: the woman is sick, she cannot fetch firewood. This year 4 roubles are paid per 'soul', but the 'poll tax' (*podushnye*) is 8 roubles and 19 kopecks.' The question of [their] livelihood thus remained 'open'. It is obvious that this 'householder' and his family will not get by without begging for alms; it is also obvious that the following year, he will completely move (p. 28) into the category of *beskhoziainy* [with no cultivated land], increasing the amount of arrears on all of his dues for 1883. There are thousands of such Tokhvatullins across the governorate; is it surprising that the arrears are increasing despite the resolute measures to collect [them]? There is nothing to take from such 'heads of household'...

2. Nagmatulla Faizullin. 47 years old; wife of the same age. They have five children: a six-year-old boy, and twelve, ten, four, and one-year-old girls. All are healthy. In the autumn, when I caught this family in a joyful bustle, Faizullin was building a new house. The frame for the house (without the ceiling and the floor) had been bought in the neighbouring village (*selo*) of Tiurniasevo for 7 roubles. The old house had not yet been disassembled, making it clear with its rotten bits and gaps that it was no longer possible to live in it. Thus, the money earned by Faizullin during the summer in the steppe was inevitably to be spent on building [a house]. There was nothing to sell: no horse, no cattle of any kind, he did not even have a hen. Almost his entire land allotment for one soul was rented out to someone else: only ¼ of a *desiatina* (*os'minnik*) was sown with millet. It did not grow [enough], smothered by grass—it yielded only two *telegas*, from which 4 *puds* were threshed. In the vegetable garden, 5 *pudovkas* of potatoes were planted—[it] yielded 20. This is the only food [belonging to] this family consisting of 7 people. But this was in September of last year, more than half a year ago. By what means and how this family lives today is the same mystery as it is for a number of other [families] like it...

3. Di-Mukhamet Nazzyrov. He is 49 years old, [his] (second) wife is 40. [There are] five children: the oldest son is 12

(he was sent to work for a German in a colony), the second [son] is 9, the third [son] is 3. One daughter is 8 years old, the other is 6 months old. The crib with this child produced such a stench that I barely stayed in their house for five minutes, but at the same time I even marked in the notebook: 'In the house, it is clean, children have a healthy complexion, but their stomachs are very distended.' This unusual, bordering on monstrosity of a stomach distention in children startled me at first, and I diligently asked the parents what kind of illness the child had, [and] whether he had been seen by a doctor. To my questions, the parents would respond with condescending smiles—they did not see anything out of the ordinary in this phenomenon: 'He ate recently,' they would say, 'This is because of potatoes.' Later I too (p. 29) grew accustomed to this monstrous phenomenon, which I did not observe in either the Russian or Chuvash [families]. Perhaps, it is the result of exclusively eating potatoes with not enough salt. At any rate, among the poor Tatar children, one comes across this sickly trait quite often. In the relatively well-off houses, as far as I remember, I never saw this.

Di-Mukhamet Nazzyrov does not cultivate any land. His land had been 'sold' for 4 roubles and 50 kopecks. In the vegetable garden, 5 *pudovkas* of potatoes had been planted and 20 harvested.¹⁴ There was no other food stored except for this. There was nothing to sell either: in the house, there was nothing except for one pillow, a tub or a trough, and several crockery items. No cattle or poultry. Back in the summer, I asked Nazzyrov about what he was going to live off of during the winter without any crops. Here is his answer literally noted down on the census sheet (*podvornyi list*): 'We will go outside, lie down in the snow and die.' In the autumn, when I came to his house for the second time, Nazzyrov had gone away to work for the timber merchant Kolchurin. To the question about how much he could earn there, the neighbours who were present answered affirmatively that he could earn enough in one week for a *pud* of flour. The [village] headman and other fellow villagers for some reason especially praised Nazzyrov and called him 'the poorest in the village'. Perhaps because he fights his own poverty with particular zeal: apart from the regular 'burlachestvo', he makes bricks (*b'et kirpichi*), digs wells, stuffs sacks (*nabivvaet kul'e*) at the mill, and gets hired as a woodcutter. At the same time, to use the headman's words, 'He is too much of an honest man: he will rather die than betray his word. He is always given money in advance for harvesting.' Indeed, last summer, he harvested to work off the money advanced to him at 3 roubles per *desiatina* measured at 4,000 square sazhen. He did not break his word, and one could not really [do such a thing]—for such cases, there is the *volost* court, which will not stop (p. 30) until the last

¹⁴ That the question on the quantity of potatoes planted was asked in June and [the question on] how much was harvested [was asked] in September confirms the truthfulness of these reported data. The answers, in the meantime, accord with each other: almost always it turns out that the amount planted is a quarter of what was harvested. In some cases, it is improbable to suggest that the person answering in the autumn remembers his response given in the summer and is answering according to it. For example, in the summer, it was Nazzyrov himself who answered, and in the autumn—his wife, since he was not home.

house is sold to pay off the debt, and on the other hand, if caught lying once, next year no one will lend you money. The Tatars are often accused of 'abandoning their land' and becoming *beskhoziainy*. Upon closer examination, this accusation—at least when it comes to the area that [this report] is about—results from a misconception. The above table (IV) on sowing, on the contrary, demonstrates that a poor Tatar, like a drowning man grasping at a straw, holds onto his land to the very end. In the 88 homesteads of the first rank, we counted only 53 ploughs and 42 harrows, and the crops were on 261 *desiatinas*, including 53 leased ones. Even the 44 horseless homesteads, with 7 ploughs and 6 harrows, sow 85 *desiatinas* (the horse in these cases is often taken in exchange for land cultivation: i.e., the owner of the horse gets his *desiatina* or paddock ploughed in exchange for the [the other's] right to use the horse to ploughing his own paddock; however, when heading far into the steppe for a long time, [peasants] often hire [someone] to 'steam' and sow the winter crops, and besides ask to deposit a pawn as guarantee of orderly pay). The miserable amount of crops is not due to the lack of land in this case (with a smaller land allotment, a wealthy man can find the means to sow ten times the amount), but due to the very same hunger in the winter (*zimniaia bezkormitsa*): when there are 7–8 eaters begging for bread, perhaps with tears in their eyes, is it possible to save some for seeds? The size of arable land is determined in these groups primarily by the quantity of seeds. On the other hand, sowing is always a risky business, while earnings in the steppe are a more reliable source of money. If there was a possibility of leaving the state of complete poverty (*neimushchestvo*) and constant need (*neobespechennost'*) all at once, then anyone would prefer to take care of their own household, but this is something unattainable—unwillingly, one has to be the eternal *farmhand* (*batrak*) in the steppe. Many have grown up in this state, having not inherited anything from their fathers except for a rotten house. Awaiting us is no chance for the numbers of such homesteads to decrease but, on the contrary, there is a good chance that they will multiply. Currently, among the 200 homesteads, there are only 25 elderly (older than 60), 43 male adolescents (14–17), and 183 boys younger than 14. In some 5–6 years all these 43 adolescents will marry, almost every one of them will set up their own house, form a separate 'homestead', have a family, and (p. 31) as the number of these 'farmhands of the steppe' increases, the payment for labouring in the steppe will decrease, especially considering that in the steppe itself the population will also rapidly grow—more of their own local (*domashnii*) working hands. The time is nigh when the 'burlachestvo' of the Tatars of the Tetiushi and Chistopol districts will come to an end. And by that time, it will be impossible to farm at home without cattle because the soil will need fertilizer. Then those who have a lot of cattle now will concentrate all of the arable land in their hands, and the other half of the population—more likely even a majority—will become their farmhands or will resettle *en masse*, if they are able to overcome the insurmountable difficulty standing in the way of such an outcome, [namely] the ban on moving out for those who still have arrears to pay. And presently the census that we

conducted by order of *zemstvo* gave birth to an odd rumour in the population, that the census is conducted to determine who will stay and who will be relocated 'to the new lands' somewhere far away.

Let us return to the list of names.

4. Widow Mukhabbia Faizova, 45 years old, with two boys of 10 and 7. No land. Only one *pudovka* of potatoes was planted in the vegetable garden. The house was on the verge of falling apart: the brother of the widow's deceased husband explained to me that he does not allow her to repair the house because the homestead territory (*dvorovoe mesto*) now belongs to him, and he does not want the widow to stay there forever; however, as long as the house is inhabitable, he will not kick her out... But it is very likely that he will not have to wait for long: even the floor in this house is rotten to some extent, so that one could put a foot through the gaps between the planks—the children have to step over those gaps. All of the possessions of the widow were in front of me: one pillow, two half-length fur coats, a little tub in the corner with a plank on top; on top of the plank [there was] a tin samovar, a teacup, and a kettle. On the floor [there was] a metal jug for ablutions (*omovenie*). Next to the stove, [there were] two or three pieces of cookware. There was nothing else. The widow herself was not at home. To the question of what she lived on, I was told that she trades in besoms and moss. One of the boys stood in front of me when I was in their house. I asked him what he had eaten that day. The boy laughed joyfully and answered in Tatar that he 'went around the village to eat' (such was the translation of his answer by the headman). The ugly, distended (p. 32) stomach of the boy took the shape of a hemisphere under the dirty shirt, his only garment even though it was the end of September.

The following widows were in a similar situation: Ganiziamal' Karimova, with three young children. *Gaisha Ibragimova* (58 years old, ill) with an eleven-year-old son; the widow of an old peasant who died already after the census [named] Khisnutdin Gezeev, who was ill through the entire harvest-time, so that only her daughter worked, 15 years old, earning 15–20 kopecks; the widow Khusainova, the mother of the fourteen-year-old 'householder' Khusnetdin Khusainov, with a sixteen-year-old daughter, landless like all of the above-mentioned, and [whose house] burnt down in spring 1883 at that. In the autumn, I saw that they had already built a new house, probably having sold a cow with a calf, which they had during the census. The mother of Iskak Sittikov, with two girls of 9 and 7 years of age, who had a cow, a calf, one hen, who had been recently widowed, after which the son of her first husband, the seventeen-year-old boy Iskak Sittikov, had taken her into his care, i.e., he returned to his father's house from being a labourer as a 'householder' and breadwinner of the family. I will mention, at last, the widow Gal'fuin Khalitova, a seventy-five-year-old elderly woman who lived together with her thirteen-year-old grandson and was evidently respected in the village for her piety (*blagochestie*): she constantly whispered prayers, and she is even allowed inside the mosque. About all of them, one would have to repeat the same thing with slight variations: here the house is a little newer, there—a little older, here [it has] bladder

[windows], there—remnants of windowpanes; here there are 1½ pudovkas of potatoes in the vegetable garden, there, there are three, and so on, and so forth.

But before moving to the other village, Stepnoe Ozero, a hero of the last war must be pointed out, the non-commissioned officer Khairulla Khusnutdinov—almost blind and barely able to move his feet despite his young age (he is 41). I cannot say whether he was paralysed or if some other disease befell him, only that he cannot work and needs to be taken care of, and meanwhile he has a family: two little children and a wife. In addition to all this, [their house] burnt down last spring. The land is obviously not sown—it is unknown what they will live by... Khusnutdinov asked for a pension or an allowance from the military department—he was told that the village community to which he belonged was obligated to take care of him. But the reader now knows what state this 'community' is in. What can it (p. 33) do if there are so many people to be taken care of who are its members, that if the wealthy ones give one slice of rye bread to every poor person every day, then they themselves will soon drop to the rank of those in need?

In Stepnoe Ozero

Here there are 141 homesteads, from among which I had to choose: whom to point out, whom to make an example of?

One scene or rather image that I happened to see here at the end of June last year comes to mind above all. While going from one homestead to another, I reached some fallow land, not fenced, either from the side of the street or from the far edge. Endless nettle [growth] and burdock as tall as a person made one think that there is no material for the census, and I would have probably walked past, had I not been told that people lived here, not in houses but in something between a mud hut (*zemlianka*) and a hovel (*shalash*). An ugly pile of brushwood, straw, planks, covered in soil, smeared with clay, propped with sticks and poles, with a hole [leading] down, with a little window like one that can be found in stables, with a chimney—a sign that the smoke was vented out through a chimney—such was the house I wanted to enter. I did not have a chance to visit it, however, the owner of this dwelling, a young Tatar built like an athlete (*bogatyr*) (Minnigalei Fakhretdinov) blocked my way. Unconscious and seemingly in fever, he was lying on the bare ground under the canopy of the hovel that served as the inner porch. A bowl of water stood next to his head and on the other side, also on the ground, lay a two-year-old baby covered with some cloth, clearly also sick. The woman had likely hidden herself when I arrived. I do not recall now, whether it was she whom we called, or if it was the neighbours' accounts that we based our entry on, but on the census sheet of this householder the following data about him and his family are marked down: He is 38 years old, his wife—35. They have children: a twelve-year-old boy (sent to work as a shepherd boy), the other was 4, the third one was 3, and the girl was 8. They have a horse; to feed it through the winter, 3 roubles and 50 kopecks worth of hay and 2 roubles worth of straw had been bought. There were no more cattle. Fakhretdinov earns his living by *burlachestvo* and

by weaving baskets for tarantasses. The land is for two souls.¹⁵ One half he leases out, the other is cultivated by hired [workers]. He has enough of his own grain for about three months. (p. 34)

One is also struck by the decrepitude of the clay-walled hut (*mazanka*), set up 25 years ago, in the homestead of Abdul Valei Nagdeev. Nagdeev, a 63-year-old elderly man, [is] blind. He is married to his second wife, who is 15. He has a son, 23 years old, also married and also almost blind, as is his wife. Thus, they sometimes cannot cultivate land or go to find temporary work elsewhere. [They] gather alms although they have a little sown field of their own.

But let us turn to a family that has a healthy worker who is not a 'burlak' and who fully invests himself in working his own farmland. Such is, for instance, the peasant Saidashev, son of Faizulla Saidashev—a seventy-five-year-old elderly man, living, as is customary, with his second wife (50 years old), maybe with the economic aim (*khoziaistvennaia tsel'*) of having another [female] worker in the house, since the son's wife has too many children, namely: boys of 10 and 7, and girls in their 12th, 6th, and 1st year. So, the family consists of 9 people but has only 1 worker. Despite the number of children, there is no cow in the house; [they are], however, raising a heifer. There is a horse with a foal, five sheep, five lambs, and five hens. 15 pudovkas of potatoes were planted in the vegetable garden and the field. The field crops were significant: almost the maximum of what one worker would have enough time to cultivate. In the two fields— they own land for 3½ souls and 2 sections (*zhrebii*) of leased land—together, a little more than 8 *desiatinas*. Evidently, with so much field work there is no time to go into the steppe, therefore all the land-related payments must be paid off from the income generated by land, i.e., from grain sales. How much do they pay [in dues], then, with 8 *desiatinas* sown on two fields? Per one plot of land ('per soul') in Stepnoe Ozero, a *muzhik* pays 7 roubles and 32 kopecks (soldiers pay less); it follows that for 3½ souls, 25 roubles and 62 kopecks [are paid]; the rent for one piece of land is 6 roubles 81 kopecks, [so] for two parts [it is] 13 roubles and 62 kopecks. To sum up, Saidashev is to pay 39 roubles and 24 kopecks in dues, not to mention the insurance payments, the huge food debts, arrears, and various communal payments: hiring a cart (*podvoda*), repairing bridges, hiring shepherds, [money to buy] firewood for the mosque and the school, etc. According to my calculations, there is about one rouble worth of such small payments per soul per year; as to the arrears and food debts that Stepnoe Ozero had by 17 October, [they amounted to] 12,784 roubles and 7¾ kopecks, not counting the 3,509 roubles and 60 kopecks remitted following the Most Gracious Imperial Proclamation (*Vysochaishii manifest*) of 15 May [1883].¹⁶ To these arrears (p. 35), add the tax rate of 1883 at 3,885 roubles and 23 kopecks, out of which almost nothing was paid due to the bad harvest, and little will probably be paid in present year 1884, so that by the beginning of the com-

¹⁵ Editor's note: Only the head of a household counted as a 'soul' (*dusha*) at this point, which had to do with taxation.

¹⁶ Editor's note: 15 May 1883 was the day of the coronation of Tsar Alexander III, and as on previous occasions, the coronation was accompanied by a whole range of other 'gifts' to the population.

ing year, Stepnoe Ozero will have tax payments of about 20,000 due, which, calculated per one man who is able to work, is about 56 roubles. From this average calculation for the entire village, let us return to a particular case, for example Saidashev, who will pay 'for 3½ souls'. We will not count in the rent for now. We see that for 3½ souls, he owes 25 roubles and 62 kopecks per year, and with the addition of insurance payments, we can confidently round it up to 26 roubles. Counting the communal payments at 1 rouble per soul, 3 roubles and 50 kopecks, [we get] 29 roubles and 50 kopecks. If he does not pay this sum from the [money he made with the] current harvest by January of the coming year, he will have to pay double: for 1883 and 1884. It follows that from the harvest of the coming summer, Saidashev will have to pay, besides the rent, 59 roubles. But the arrears from previous years are, if counted per soul (12,784 roubles 7¾ kopecks / 519 taxed souls), 24 roubles and 63 kopecks. Suppose that Saidashev is in arrears in payment of the entire sum, then for 3½ souls, [he is] due to pay 86 roubles and 20½ kopecks for the arrears of the previous years. 145 roubles and 20½ kopecks in total, and in any case he must pay 13 roubles and 62 kopecks for the two sections of rented land. It follows that if—allow us this improbable supposition for a moment—all of the arrears as well as payments currently due were to be paid from the next summer's harvest, then Saidashev would have to pay 157 and odd roubles, and most likely even more, since he will probably take a new loan from the zemstvo to sow the spring-sown fields. These calculations show with relentless clarity that, in villages like Krivoe [Ozero] and Stepnoe Ozero, the arrears in payments and food debts will have to be declared irredeemable. Their household economies do not get better to say the very least, the real proletariat (*fakticheskii proletariat*) multiplies every year, the cattle decrease with every bad harvest, and there is no guarantee that bad harvests are not going to repeat themselves in the future as often as in the past: 1868, 1870, 1873, 1877, 1880, and 1883 (p. 36)—these are years of bad harvest in this area that locals remember. The gaps [between them] are so insignificant that during these gaps, there is not enough time to pay the arrears. All of this makes one think that, in the near future, the 'Tatar poor' will make the Russian and Chuvash population take over their unpayable food debt, if not entirely, then to a significant degree... One cannot see another way out.

Let us go through several other census sheets.

Gainulla Khabibullin is 47. He is himself healthy, his wife [is] blind, there is a 'swarm' of children: the boy [is] 10; the girls [are] 17, 14, 7, and 4, and [there is] an orphaned nephew [who is] 9. There is no cow; [he] sold it in 1877, a bad harvest year, and has not been able to get a new one since. There are 2 goats, 2 goatlings, 2 sheep, and 2 hens, i.e., all of this was there in the summer. There was a horse too, [used for] sowing the land (2 souls and 1½ lots), however, they already had to buy grain starting from the Winter Feast of St Nicholas, 9 December. [He] goes to the steppe with the two older girls for seasonal work while his blind wife takes care of the younger children at home. According to the calculations already familiar to the reader, this homestead owes 24 roubles and 85 kopecks in annual payments.

Mukhutdin Khisamutdinov is a sixty-year-old elderly man, dumb, and suffering from epilepsy. His wife is 50, and his three sons are of working age, but one of them is a soldier, another [is] a worker (not yet a full worker, [since he is] 17). The two live with their father, the oldest recently got married (probably [he] has children by now). The youngest child is 4. There are also two girls, 12 and 14 [years old]. There is no cow; the sheep were sold in 1880, a year of bad harvest. In the summer, there was a horse, a calf, and one hen. They lease land sufficient for two souls, they do not sow one of the plots themselves. After the good harvest in 1882, they had enough of their own grain only until January. Evidently because they had sold their grain to pay duties and [for] various household needs.

Let us proceed to the horseless group.

Temirbulat Nassreddinov is 38, a widower. His ill wife had been getting weaker for five years and died in the spring of 1883, leaving four young children: boys of 14, 12, and 9 [years of age] and a girl in her 5th year. The oldest boy was sent to work as a shepherd. They had a cow, during the census even with a calf, and 3 hens—nothing else. The horse died last spring at the peak of the ploughing season (p. 37). According to the householder, 9 of his horses have died since he left his father at the age of 13. It is not hard to believe: he owns land sufficient for one soul, so there are 20 puds of [his] own hay per year, and the horse probably never sees any oats at all. And the kind of horses that householders like these buy are those that others sell fearing that, if not today then tomorrow, the horse will die from lack of fodder (*beskormitsa*). Having lost his horse, Nassreddinov, however, did not leave his 'soul'¹⁷ unsown: he hired [someone else] to plough, harrow, and sow it for 3 roubles. In the spring, it costs a lot because the 'fodder is expensive'. When going away for seasonal work, Nassreddinov leaves his children with his sister, who is married [and lives] in the same village. He must leave bread to feed them. In general, he does not often have a chance to live in his house: before and after the harvest time, he is either hired to make bricks, or earns money by digging wells (in the steppe, there are almost as many wells as there are peasant homesteads). According to him, together with a fellow worker, it is possible to dig a five-sazhen-deep well [10.7m], and make and insert a wooden frame in two weeks. For such work, one receives 5 roubles from the owner's board (*na khoziaiskikh kharchakh*). The house of this widower was completely ruined—even the floor is broken, and there is no plank bed.

Fakhriddin Sarytov is a sixty-seven-year-old elderly man, widower, completely blind. He has a twenty-seven-year-old son, one-armed—the other arm does not function—cross-eyed; his wife is lame. Only she is able to work, and even she is somehow sickly. 5 years ago, their cow died; two years ago, the horse died. Now they have no cattle or poultry. Their land is cultivated by hiring [someone else]. Last winter, they sold 20 puds of grain, and from January on, [they] started buying grain themselves. This is most common, not only in Tatar but also in Russian and Chuvash villages.

¹⁷ Translator's note: Here, a 'soul' refers to the plot of land measured per one audited soul.

Akhmet Dzialaletdinov is 53, his wife 45. Seven children, one of which is an adult, 19, but ill— 'the heart aches' and the stomach. The other children are 13, 6, 4, and ½ (boys) and 16 and 11 (girls). The house is rotten, with bladders in the windows. They have no cattle: 'I buy a cow or a horse every year,' the householder would say, 'They do not live. I have been utterly ruined by this. At last, I bought a goat—it too was eaten by a wolf.' There is land owned for 1½ souls and leased land for 2 [souls]. All of it is sown by hiring [someone else]. He leaves for seasonal work with his family. Last winter, [he] started buying grain from the new year onwards.

Let us turn to the 'beskhoziainye' [with no cultivated land]: (p. 38)

Nigmatulla Faizullin, a retired soldier, 70. Three years ago he built a new house and married a woman, who is exactly half his age but, on the other hand, dumb. They are rearing a child, a boy. He has no crops. The commune gives him ½ *desiatina* of land in each field, but because of his old age, Faizullin cannot plough anymore and leases out his land for 2½ roubles a year.

Khairulla Saifullin, 45, but blind, which financially ruined him. He sold everything, except for the house because the family is big: five children. The oldest is a boy, 16. He is the only hope.

Shaban Abdullin, 60; his wife 48. They have a daughter [who is] 7. One of his arms does not function. Because of this, the land is not sown. The wife planted 2 *pudovkas* of potatoes in the vegetable garden, and the family does not have any more than this, there is not even a house, and they live, out of charity, at their nephew's.

Gumer Abubakirov is also homeless, [his] wife [has been] blind for 8 years. He himself was ill for 2 years. They lost everything during this time: their cattle, land, and house. They have four children: two boys (16 and 11) and two daughters (20 and 13). They get hired to work and live from one day to the next, since they do not have a household of their own.

In the same state are the three Abzialilov brothers. All three are homeless, but all three are married, and two [of them] have children: one has four, another [has] three—all of them underaged. It is unknown what they live on; what is true, however, is that they have no possessions. During the census, one of the brothers was working as a shepherd, and the other two had already gone to the steppe.

Abdul'-Fattakh Khaibullin, 60, his wife [is] also [60]; both are blind. [They have] four children: the oldest son is 19, [he] lives with and works for Germans. The second [son] is 17 and his sister is 15, [they] were hired to tend herds [of sheep], and the youngest son, 13, takes his blind parents to gather alms. They don't have a house, [they] rent a part of someone else's house (*zhivut na kvartire*).

Lastly, in Stepnoe Ozero, according to the census, there are 11 homesteads of widows and orphans. I will only list them, briefly pointing out special circumstances of this or that family, since the reader already has an idea of the everyday life of the peasant homesteads of widows based on the examples from Krivoe Ozero provided above. Here, everything is extremely similar: houses falling apart, children gathering alms, money advanced before the harvest time; illnesses, injuries, and... tears instead of answers (p.

39) to the questions of a 'statistician'. Here is a list of these widows. The wealthiest of them all is Gainullina, 38, with three children. During the census, apart from a house, she had a barn, a cow, and 3 hens. When [her] husband [was alive], she got used to 'living well': they had two horses, 17 beehives. Seven years ago, widowed and left alone with a baby, a one-year-old, and an eight-year-old, [she] began selling one thing after another to support herself. Now the eldest daughter, 15, already helps her with work: [she] is hired for harvesting. In the vegetable garden, 8 *pudovkas* of potatoes have been planted. [She] rents the area of a meadow [measured] for one soul to feed the cow; she hires [people] to cut and transport the grass, and it costs her 4½ roubles, and there are 9 haycocks, 27–30 *puds* that is. In the winter, however, [she] had to buy two threshing barns of straw (three roubles worth).

Another widow, Gadiia Bikulova, whose son is already 14 and daughter 18, even rents and cultivates her land by hiring [workers]. Last year she had enough of her own grain until mid-winter. She also owns a cow. Galima Valitova does not have any cattle, but rents ½ *desiatina* in the fields. She has it cultivated by hiring [workers], but [they] harvest themselves: she has a son who is 15, her daughter is 12, and another boy, who is 8. When already a widow, in 1880, a year of famine, she lost 3 horses, 3 cows, and 15 sheep. Before, they lived 'rich'... Ekhgliulla Valiullina with her mother, a seventy-year-old woman, and two children (14 and 11), boys. The younger is deaf-and-dumb. Her son-in-law did her a favour and sowed her 'husband's [one] soul [worth of land]', the horse is, however, their own. The five-*arshin*-long house is extremely dilapidated; [they] complain that during the winter it is too cold. The widow Khamitova has a similar house with bladders in the windows. She has a son who is 20 and two daughters (22 and 18), but all three are blind. There is also a fifteen-year-old boy. He tends a herd [of sheep] in his village.

The blind Minni-ufa Abdullatypova, 45, with her son, 12, has an adult stepson but he does not support her. Gainetdinova, a soldier's widow, is also blind and already old, 60. She has an adult but still unmarried son, 24, and a daughter, 16; both do seasonal work (*burlachat*), since neither of them has any land. They have no property. There were 5 *puds* of potatoes in the vegetable garden. The widow Nazira Aliakberova is 45, with two children, 13 and 10. She has nothing, except for a house [and] 3 *pudovkas* of potatoes. The widow Fakhrnisa Sharapova, 55, single, lives by alms and by renting out her house: 13 people in, of course, only one room (p. 40) with rotten walls. The three Abzialilov brothers and their families lodge in her house. The widow Giakhar' Abdullina with three children, girls [who] are 12 and 10, and a boy, who is 7. Before his death, her husband had been ill for four years; she has been widowed for 5 years. In these 9 years, they lost everything. Her husband's plot of land belongs to her and by leasing it out she gets 5 roubles per year.

The widow Gain'ia Iuzeeva, 55, single. Her only son was drafted into the army during the 1882 conscription because, according to the records, this family had two sons; but the other son was from another mother (the father was a bigamist) and supports his mother, and this [woman] remains in a helpless state, crying inconsolably. If I am not

mistaken, the law was later clarified or amended so that such accidents would not be possible in the future. But I could not explain to her whether this amendment had any retroactive effect and whether Luzeeva could petition for the return of her only son. And, how will she petition, if she does not speak or understand a word of Russian? Not to mention that any such petitioning demands spending, and she has nothing, except for a house, though she has no [wood] to heat it, so she can barely live there during the winter. In the summer, she sits at the door of this lonely house and weeps silently; people come to pity her and bring her food. The recent tragedy has paralysed her arms—she is not yet ready to go back to work. It is in this state that I found her last summer.

In conclusion, I point to the widow *Khil'miziamal' Iar-mukhametova* with two children: a boy, 11, and a girl, 15. All three have epilepsy, and their father suffered from it,

too. The widow is of young age, 35, but looks very old. She was widowed recently, in the winter of 1882. They have nothing, except for a house with bladders in the windows and three *pudovkas* of potatoes in the vegetable garden. They gather alms.

I should just add that the other Tatar villages that I examined last summer do not significantly differ from the two described here. On closer inspection, some of them could have turned out to be even poorer than *Krivoe Ozero* and *Stepnoe Ozero*. I have chosen to examine these two villages because the information gathered about them seemed more reliable.

(signed) K. Lavrskii

Kazan

19 March 1884

173634

ПРОВЕРЕНО

ТАТАРСКАЯ БѢДНОТА

(Статистико-экономическій очеркъ двухъ татарскихъ деревень Казанской губерніи).

К. Лаврскаго.

КАЗАНЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1884.

Въ Казанской губерніи открыта и производится, съ разрѣшенія Г. Начальника губерніи, подписка для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ прошлогодняго неурожаа крестьянъ.

Какимъ важнымъ источникомъ въ настоящемъ случаѣ является частная благотворительность,—можно судить потому, что въ дѣлѣ продовольствія совершенно неимѣющихъ своего хлѣба семействъ другихъ источниковъ средствъ для выдачи безвозвратныхъ пособій—не существуетъ. Правда,—говоря словами недавняго циркуляра Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ—„забота объ изысканіи и примѣненіи всѣхъ мѣропріятій, необходимыхъ для обезпеченія народнаго продовольствія относится всецѣло къ кругу вѣдомства подлежащихъ Земскихъ учрежденій“—и въ этомъ отношеніи „Земствамъ предоставлены широкія права“, и въ томъ числѣ право самообложенія. Правительство, за всѣмъ тѣмъ, и само, „въ исключительныхъ случаяхъ, находитъ возможнымъ и нужнымъ приходить въ дѣлѣ этомъ на помощь Земскимъ учрежденіямъ ссудами изъ общихъ по Имперіи продовольственныхъ источниковъ“,—при чемъ Земство не связано непремѣннымъ условіемъ возвращать эту ссуду посредствомъ изысканія именно съ тѣхъ самыхъ крестьянъ, между которыми она будетъ распредѣлена: оно можетъ и даже обязано предъ Правительствомъ, въ случаѣ несостоятельности самихъ получающихъ ссуды и пособія, принять на общій земскій счетъ уплату выданной Правительствомъ ссуды, т. е. разложить ее на всѣхъ платящихъ земскіе сборы. Но и при такомъ порядкѣ вещей—частная благотворительность является совершенно неизбѣжной, и повторяемъ даже единственнымъ средствомъ къ устраненію самыхъ „острыхъ“ проявленій такого бѣдствія, какъ повальный неурожай въ цѣлой губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, читателямъ уже извѣстно, что предоставленная Правительствомъ въ распоряженіе Земства сумма—377 тысячъ рублей (противъ 532

слишкомъ тысячъ, испрашиваемыхъ Экстренными Уѣздными Собраниями) — во 1-хъ — исключительно назначена на ссуды, т. е. будетъ раздаваться съ условіемъ возврата тогда какъ есть массы семей, съ которыхъ никакой позвратъ немыслимъ, по совершенному ихъ неимуществу и беспсилію: во 2-хъ, ссуды на продовольствіе рѣшено выдавать, и то въ самыхъ исключительныхъ необходимыхъ случаяхъ, по такому расчету: на мужчинъ-рабочиковъ (18—55 лѣтъ) и на дѣтей, моложе 5 лѣтъ, ничего не будетъ выдаваться, а на остальныхъ: по 1 пуду въ мѣсяцъ на каждого изъ двухъ первыхъ фдоковъ въ семействѣ и по 20 фунтовъ на каждого изъ слѣдующихъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ ссуда на семью изъ пяти человѣкъ, (при одномъ рабочикѣ и одномъ ребенкѣ) должна составлять $3\frac{1}{3}$ фунта въ день на всѣхъ.

При всемъ этомъ, едва-ли можно сомнѣваться, что забота о средствахъ для обслѣженія полей будетъ стоять на первомъ планѣ, какъ у Земскихъ учреждений и ихъ агентовъ, такъ и у самихъ крестьянскихъ обществъ, такъ какъ вліятельное и рѣшающее мірскія дѣла меньшинство въ этихъ обществахъ принадлежитъ, разумѣется, къ той категоріи крестьянъ, которая будетъ нуждаться въ ссудѣ на обслѣженіе, а не на продовольствіе; тѣмъ болѣе, что Земство рѣшило: „избѣгать по возможности двойныхъ ссудъ однимъ и тѣмъ-же нуждающимся, т. е. какъ на продовольствіе, такъ и на обслѣженіе“.

Наконецъ, что касается собственно безвозвратныхъ пособій, то на выдачу ихъ Казанское Губернское Земство изъ земскихъ средствъ ничего не ассигновало, такъ какъ ассигнованные на этотъ предметъ 10000 руб. — это остатокъ отъ частныхъ пожертвованій собранныхъ по подпискѣ въ прежніе годы, при прежнемъ неурожаѣ. Предложеніе же гласнаго Васильева объ ассигнованіи въ добавленіе къ этой суммѣ изъ собственныхъ средствъ Казанскаго Земства хотя бы только 5000 рублей было отвергнуто въ Собраніи подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Итакъ, продовольственная сторона вопроса въ настоящемъ случаѣ, можно сказать, неразрѣнима безъ пособій частной благотворительности.

Къ сожалѣнію, господствующія въ обществѣ представленія о томъ — какова именно та крестьянская нужда, о которой идетъ теперь рѣчь, — слишкомъ отвлеченны, если можно такъ выразиться, и потому блѣдны и неопредѣ-

ленны. Разумѣется, всякому понятно слово — „нужда“, но только слово; факты-же дающіе содержаніе этому слову, въ многимъ близко знакомы и мало у кого способны обрисоваться въ воображеніи живыми образами, громко говорящими уму и сердцу. И это не удивительно: въ городѣ, гдѣ огромное большинство населенія въ своей повседневной жизни не чувствуетъ тяжкихъ послѣдствій неурожая; гдѣ даже нищій едва-ли уменьшаетъ, благодаря неурожаю, размѣръ своего обычнаго потребленія (а можетъ быть разсчитываетъ еще и лучше обыкновеннаго пропитаться, благодаря открытію „дешевыхъ столовыхъ и раздачъ „даровыхъ обѣдовъ“ — довольно обычный у насъ приѣмъ благотворительности въ эпохи бѣдствій, подобныхъ настоящему). въ городѣ — ничто не даетъ понятія ни что не способно напомнить о томъ, что дѣлается въ деревнѣ: какъ перебивается тамъ масса населенія, у которой — если нѣтъ хлѣба, то нѣтъ и денегъ на его покупку, потому что нѣтъ и заработковъ, нѣтъ покупателей на трудъ и даже на скотъ, или, по крайней мѣрѣ, страшно падаетъ цѣна на все, что крестьянинъ можетъ продать для покупки хлѣба. Обо всемъ этомъ, огромное большинство городскихъ жителей знаетъ только по наслышкѣ, да къ сожалѣнію и слышать обо всемъ этомъ приходится мало: суeta шумливой городской жизни постоянно заглушаетъ слабые, издали долетающіе отголоски деревенской крестьянской бужды.

Желая восполнить, по возможности, этотъ недостатокъ фактической подкладки въ возбужденныхъ неурожаемъ заботахъ и толкахъ „по продовольственному вопросу“, мы намѣрены предложить вниманію читателей небольшой, строго фактической очеркъ хозяйственныхъ условій — или вѣрнѣе сказать — экономическаго упадка двухъ деревень Казанской губерніи, подвергнутыхъ нами обстоятельному изслѣдованію не далѣе, какъ лѣтомъ и осенью прошлаго, 1883 года. Пишущій эти строки принималъ участіе въ подворной статистической переписи, предпринятой Казанскимъ Губернскимъ Земствомъ, съ цѣлю обстоятельно ознакомиться съ положеніемъ селеній, наиболѣе обремененныхъ продовольственными долгами. Такихъ селеній было обслѣдовано, въ четырехъ уѣздахъ, 138; доставленный переписью матеріалъ, сведенный въ таблицы, составляетъ содержаніе особаго сборника, издавнаемаго Земствомъ; но для массы, такъ называемой, читающей публики мало доступна подобная книга, такъ сказать, сгущающаяся массой цифръ и таблицъ, требующихъ

внимательного, кропотливого сопоставления, драгоценных въ качествѣ матеріала для справокъ и изученія, но со-
всѣмъ непригодныхъ для чтенія въ тѣсномъ смыслѣ
этого слова. Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ вос-
пользоваться лишь самой незначительной частью этихъ
интересныхъ матеріаловъ для настоящаго очерка, кото-
рому постараемся придать по возможности удобочитаемую
форму, не обобщая впрочемъ совершенно устранить изъ
него цифры и расчеты, безъ которыхъ (какъ великія
долженъ понять) совершенно нельзя обойтись, если
только читатель желаетъ составить себѣ о предметѣ, его
интересующемъ, определенныя и точныя представленія.
Впрочемъ, въ концѣ очерка мы приведемъ для иллюст-
раціи цифровыхъ данныхъ, поминные списки особенно
нуждающихся семействъ, говорящіе языкомъ фактовъ,
пополненныхъ всѣмъ и каждому.

Такъ какъ наиболѣе нуждающейся частью крестьян-
скаго населенія въ Казанской губерніи являются, — какъ
всѣмъ извѣстно, — татары, то я избралъ предметомъ на-
стоящаго очерка татарскія деревни, находящіяся при томъ
не въ самыхъ худшихъ условіяхъ (такъ напр. перепись
показала, что въ Мамадышскомъ и Тетюшскомъ уѣздахъ
татары въ общей сложности еще болѣе бѣдствуютъ).
Двѣ деревни, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь, называе-
мые Степное Озеро и Кривое Озеро, находятся въ юж-
ной части Чистопольскаго уѣзда, въ Егоркинской волости,
почти на границѣ съ Самарской губерніей, въ одной изъ
самыхъ глухихъ мѣстностей: слишкомъ на 100 верстъ
онѣ удалены отъ Камы (на югъ) и столькоже отъ Волги
(на востокъ). Расположены онѣ по сосѣдству одна съ
другой, надѣлъ у нихъ общій, землю владѣютъ через-
полосно, такъ что представляютъ какъ-бы одну деревню,
что и даетъ возможность разсматривать ихъ обѣ вмѣстѣ,
не разъединяя. Но прежде чѣмъ приступить къ этому
разсмотрѣнію, я долженъ дать читателю отчетъ по вопросу,
который долженъ его интересовать прежде всѣхъ осталь-
ныхъ въ данномъ случаѣ, а именно: насколько онъ мо-
жетъ положиться на достовѣрность свѣдѣній, предлага-
емыхъ его вниманію? Они распадаются на два разряда:
свѣдѣнія о пространствѣ земельныхъ угодій, которыми
пользуются эти двѣ деревни, о количествѣ пода-
тей и сборовъ, платимыхъ ими, о количествѣ не-
движимыхъ, за ними числящихся, о числѣ ревизскихъ
душъ — основанъ на официальныхъ данныхъ, на

документахъ⁽¹⁾ и следовательно никакому сомнѣнію под-
лежать не могутъ. Свѣдѣнія втораго разряда — о количе-
ствѣ дворовъ, населенія, о возрастѣ жителей, числѣ скота,
постройкахъ, земледѣльческихъ орудій и пространствѣ за-
сѣваемой каждымъ дворомъ земли — получены путемъ лич-
наго опроса и осмотра (по мѣрѣ возможности), и потому
могутъ заключать въ себѣ ошибки и неточности, одна-
кожъ — надо полагать — незначительныя. Были приняты всѣ
предосторожности, что-бы получить вѣрныя свѣдѣнія: пере-
пись производилась въ свободное отъ полевыхъ работъ
время (въ серединѣ іюня); буквально каждый дворъ въ
обѣихъ деревняхъ былъ посѣщенъ нами лично; при этомъ
постоянно присутствовала толпа любопытныхъ сосѣдей;
когда приходилось опрашивать жевщицъ, неумѣющихъ
говорить по русски, мы отчасти могли слѣдить за точ-
ностью перевода, заучивъ заранѣе нѣкоторыя татарскія на-
званія и татарскій счетъ. Наконецъ, самая обстановка двора
всегда давала нѣкоторую возможность контролировать
вѣрность показаній: избы, огороды, все что есть на дворѣ,
а во многихъ случаяхъ и въ самой избѣ, люди всѣхъ воз-
растовъ — все это прошло передъ нашими глазами, собст-
венноручно занесено въ списки, и намъ кажется поэтому,
что при такомъ способѣ переписи мы вправѣ наставлять
на высокой степени достовѣрности собранныхъ нами свѣ-
дѣній. Что касается пространства запашки въ двухъ по-
ляхъ — здѣсь приходилось полагаться на показанія самихъ
домохозовъ: проверять ихъ посредствомъ осмотра и из-
мѣренія „загоновъ“ въ полѣ, разумѣется не было воз-
можности, — мы должны были торопиться окончить пере-
пись до начала полевыхъ работъ. Но эти свѣдѣнія про-
вѣряются инымъ способомъ: официально извѣстно — сколько
въ этихъ селеніяхъ ревизскихъ душъ на каждую душу по-
лагается въ каждой деревнѣ по одинаковому количеству
пахатной земли; каждый домохозяинъ сказывалъ — на
сколько душъ у него земли; сколько изъ нея онъ самъ
засѣваетъ, сколько арендуетъ сверхъ того у другихъ или
сколько сдаетъ.

Сопоставляя итоги всѣхъ этихъ показаній съ тѣмъ, что
извѣстно изъ официальныхъ источниковъ о числѣ душъ
и о пространствѣ надѣльной земли, нельзя не признать и
эти показанія весьма близкими къ дѣйствительности.
Такъ напр., по владѣнной записи значитъ во владѣніи
этихъ двухъ деревъ 3162 десятъ, 2160 кв. саж. всей удоб-

⁽¹⁾ Владѣнная запись, работы Кадастровой Коммиссіи, оладные
листы и т. п.

ной земли: въ томъ числѣ пространства удобнаго для пашни определено по хозяйственной съемкѣ межевыхъ чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ—2152 десят. По показаніямъ крестьянъ, даннымъ при переписи, пахотное производство въ 3-хъ поляхъ надѣльной земли, определялось цифрой 1894½ десятины (итогъ 435 показаній); на 257½ десятины меньше противъ плана, но это весьма естественно, такъ какъ въ дѣйствительности известная часть пахатнаго пространства теряется для хозяйства подъ межевыми, полевыми дорогами и тропинками, водорослями и т. п. Точно также официально, изъ контракта, известно, что крестьяне Степнаго Озера арендуютъ въ сосѣдней съ ихъ надѣломъ казенной оброчной статьѣ два участка, мѣрою 621 десятина 1050 кв. саж. При опросѣ на сходѣ, крестьяне показали, что они раздѣлили эту землю на 310 жеребьевъ; при подворной переписи каждый, участвующій въ арендѣ, показывалъ, сколько за нимъ жеребьевъ; въ итогѣ оказалось 305; но остальные 5 жеребьевъ послѣ отыскались, при переписи другихъ деревень, у крестьянъ этихъ послѣднихъ, арендующихъ ихъ уже отъ татаръ. Такимъ образомъ и здѣсь справедливость показаній подтвердилась путемъ перекрестной проверки данныхъ. Все это позволяетъ считать свѣдѣнія о количествѣ посѣва у крестьянъ этихъ двухъ деревень достоверными не менѣе остальныхъ свѣдѣній. Простой арифметическій расчетъ показываетъ, что въ арендуемой оброчной статьѣ на 1 жеребій причитается по $\frac{2}{3}$ десятины въ каждомъ полѣ; что-же касается пространства надѣльной пашни „на 1 душу“—оно составляетъ во всѣхъ трехъ поляхъ 2,33 десятины, а именно: въ одномъ полѣ на „душу“ полагается 17 сажень ширины и 120 длины, въ другомъ 14 сажень, а въ третьемъ 13 сажень (длина полосъ вездѣ одна и та же—120 сажень); есть еще особое небольшое поле, гдѣ разчищено было изъ подъ кустарника и намѣрено на душу около 400 квадратныхъ сажень; но здѣсь многіе совсѣмъ не пахутъ, предпочитая пользоваться съ этого пространства травой.

Послѣ этихъ предварительныхъ сообщеній, переходимъ къ детальному разсмотрѣнію избранныхъ нами для примѣра двухъ деревень съ точки зрѣнія продовольственнаго вопроса.

Надѣлъ этихъ двухъ деревень тянется узкой полосой съ сѣвера на югъ верстъ на 12, упирается однимъ концомъ въ рѣку Бол. Черемшанъ, а другимъ въ казенную оброчную статью, отдѣляющую его отъ степей Самарской

губерніи. Справа и слева надѣлы сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ—чуваши и русскихъ, у которыхъ однако-же, по расчету на ревизскую душу, надѣлы гораздо значительнѣе, въ некоторыхъ случаяхъ даже вдвое больше, чѣмъ у татаръ Криваго и Степнаго Озера; у этихъ послѣднихъ на душу причитается 4,1 десятины. Земля повсемѣстно—глубокая, высокаго достоинства черноземъ. Пашня, какъ вообще въ этихъ краяхъ, никогда не удобряется; здѣшніе крестьяне, въ особенности чуваши, и гдѣ даже образованные земледѣльцы не признаютъ необходимости навознаго удобренія „на черной землѣ“; татары не раздѣляютъ этого взгляда, и если-бъ не ваприжонныя ожиданія „ревизіи“, за которой должна послѣдовать развѣстка земли „на новыя души“, то они, безъ сомнѣнія, первые въ этомъ краю подали-бы примѣръ уваженія полей, такъ какъ въ прежніе годы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, съ успѣхомъ его примѣняли и рассказываютъ о баснословныхъ урожаяхъ послѣ щедрого удобренія. Татары не получили лѣснаго надѣла, но у нихъ много кустарника, которымъ бѣдные и пользуются для отопленія и для плетней. Лѣсъ дровяной и строевой—не далеко: тотчасъ за Черемшаномъ начинаются громадныя лѣсныя дачи Г.г. Аносовыхъ и Г-жи Нейдгардтъ, изъ которыхъ производится отпускъ лѣса и „корнями“, и возами, и подесятинно. Самый плохой возъ дровъ (сучья) можно здѣсь вырубить за 15—20 к., среднего достоинства возъ, доступный силамъ одной лошади 50—60 коп. Готовая, нарубленная, кубическая сажень дровъ въ лѣсу, на мѣстѣ—самая лучшая стоитъ 4 рубля. Такимъ образомъ и съ этой стороны здѣшніе крестьяне, находятся, сравнительно, въ довольно благоприятныхъ условіяхъ. Есть у нихъ и поемные луга: по показаніямъ крестьянъ, въ Степномъ и Кривомъ Озерѣ, пакашиваютъ „на душу“ пудовъ около 20 сѣна. О постороннихъ, внѣ своего надѣла, заработкахъ и промыслахъ татаръ скажемъ далѣе: теперь-же замѣтимъ только, что едва ли не благодаря именно погонѣ за этими заработками, татары, при всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ, сравнительно съ своими сосѣдями—русскими и чуваши, дошли въ послѣдніе 10 лѣтъ до послѣдней степени упадка въ хозяйственномъ отношеніи. Для того, чтобы читатель могъ составить объ этомъ наглядное представленіе, мы раздѣлимъ все населеніе Егоркинской волости (за исключеніемъ двухъ русскихъ селеній, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, условія быта которыхъ имѣли на 7 группъ,

по степени их хозяйственной состоятельности, и сравнимъ количество и процентное отношеніе дворовъ въ каждой группѣ—у татаръ Кривого и Степного Озеръ съ одной стороны, и у всѣхъ остальныхъ (чуваши и русскіе)—съ другой. Вотъ цифры, позволяющія сдѣлать это сравненіе.

ТАБЛИЦА I.

а.	б	в	Въ 12 селеніяхъ русск. и чуваш.		Въ 2 селеніяхъ татарскихъ.	
			Число всѣхъ дворовъ.	Изъ 100 дворовъ	Число всѣхъ дворовъ.	Изъ 100 дворовъ.
г	д	е				
1	Имѣющихъ 3 лоша. и бол.		527	32,5	35	8,3
2	.. 2 лошади...		325	24,5	72	17,2
3	.. 1 лош. и кор.		200	15,0	113	27,0
Итого, дворовъ болѣе или менѣе состоятельныхъ			1052	79	220	52,5
4	Дворовъ съ 1 лошадыю, но безъ коровы		137	10,2	88	21,0
5	.. безлошадныхъ.		63	4,7	44	10,4
6	.. безхозійныхъ ⁽²⁾		58	4,3	52	12,3
7	.. безземельныхъ.		24	1,8	16	3,8
Итого, дворовъ обѣдѣвшихъ.			282	21	200	47,5
Всего...			1334		420	

(2) *Безхозійныхъ* — мы называемъ такой крестьянскій дворъ, у котораго есть земельный надѣлъ, но онъ его не обрабатываетъ пользуясь только усадьбой, а кому нибудь „продаетъ“, какъ выражаются крестьяне, т. е. сдаетъ въ аренду, за деньги или „за подати“.

(3) Въ Кривомъ Озерѣ числится въ группѣ безземельныхъ 1 дворъ принадлежавшій въ это общество мѣщанина, весьма зажиточнаго, занимающагося исключительно торговлей, скотоводствомъ и ростовщичествомъ. Этотъ дворъ я исключилъ здѣсь изъ счета, какъ случайно маскирующій средніе выводы.

Мы не будемъ вдаваться въ комментаріи этихъ цифръ; замѣтимъ только, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь случайнымъ явленіемъ; не здѣсь только, но по всей губерціи, съ небольшими варіаціями, замѣчается подобное-же отношеніе между татарскими и русско-чувашскими деревнями; вездѣ разница въ отношеніи хозяйственной состоятельности между ними такая-же рѣзкая, рѣшительная. Здѣсь не мѣсто касаться мудренаго вопроса о причинахъ такого явленія.—разнообразныхъ, лежащихъ глубоко въ особенностяхъ татарскаго племени, уходящихъ въ глубь исторіи,—да съ точки зрѣнія продовольственнаго вопроса, въ моментъ, подобный настоящему, о причинахъ рассуждать и бесполезно, и несовсѣмъ своевременно. Мы имѣемъ теперь въ виду изобразить самый фактъ нужды, взвѣсить его на вѣсахъ строго фактическаго изслѣдованія и, по возможности, выяснить, какими средствами располагаетъ само населеніе, чтобы поддержать свое существованіе до будущаго урожая. Съ этой точки зрѣнія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ изслѣдуемыхъ нами двухъ деревняхъ число дворовъ, которые можно назвать зажиточными (1-я группа) крайне ничтожно: изъ сотни дворовъ только 8, тогда какъ у чувашъ и русскихъ такихъ дворовъ около 40 на сотню. Это обстоятельство показываетъ, что въ обѣдѣвшихъ татарскихъ селеніяхъ, въ случаѣ неурожая, это бѣдствіе всегда способно принять самый острый характеръ. Въ районѣ, гдѣ есть 40 дворовъ зажиточныхъ и столько-же способныхъ просуществовать безъ посторонней помощи, остальные 20, по крайней мѣрѣ, имѣютъ къ кому обратиться за помощію, за работою, за ссудою, за подаеміемъ. Но когда положеніе вещей таково, что ничтожная кучка достаточныхъ семействъ окружена со всѣхъ сторонъ массой голодающихъ, когда первыхъ 35, а вторыхъ 200,—тогда, очевидно, безъ посторонней, извне приходящей помощи обойтись немислимо. Несомнѣнно, что такая помощь и явится: прежде всего—со стороны того-же окрестнаго, русско-чувашскаго населенія. Это послѣднее даже въ обыкновенный годъ постоянно осаждается массой нищихъ татаръ, просящихъ хлѣба или работы. Они разъѣзжаютъ цѣлыми семьями, и самый фактъ этого кочеванія свидѣтельствуетъ, что оно достигаетъ цѣли, что этимъ способомъ можно существовать. Подаютъ не только изъ жалости, но и изъ страха: „онъ просить, а самъ высматриваетъ“—говорятъ про татаръ русскіе и чуваші, —не по-

дань, такъ либо овцы не досчитаются, а то и лошадей сведутъ" (*). Такъ идутъ дѣла въ обыкновенные годы, въ неурожайный—естественно, все это будетъ проявляться въ крупныхъ размѣрахъ...

Выше было уже упомянуто, что въ отхожемъ промыслѣ здѣшнихъ татаръ заключается одна изъ причинъ ихъ раззорения. Промыселъ этотъ,—такъ называемое здѣсь „бурлачество“—состоитъ въ хожденіи на заработки „въ степь“ т. е. въ Самарскую и Оренбургскую губерніи и къ Уральскимъ казакамъ косить, жать, убирать хлѣбъ и молотить. Начиная съ ребенка 12—13 лѣтъ и кончая стариками, еле-передвигающими ноги, не говоря уже о мужчинахъ и женщинахъ рабочаго возраста,—все татарская бѣдота, начиная съ іюня мѣсяца, каждый годъ устремляется въ эту обширную „степь“, возлагая надежду не столько на собственное хозяйство (если оно еще не совсѣмъ заброшено), сколько на высокую плату за трудъ „въ степи“ при хорошемъ урожаѣ травъ и хлѣбовъ. Промышляютъ этимъ и не-бѣдные, даже зажиточныя семьи, и для нихъ это выгодно: они высылаютъ на заработки избытокъ своей рабочей силы, безъ ущерба для собственнаго хозяйства. Если даже въ домѣ остается одинъ большакъ—распорядитель работъ, и то выгодно, потому что хороший работникъ въ степи можетъ заработать вѣтерю, въ шесть разъ болѣе, чѣмъ стоитъ нанять взамѣнъ его бѣдныхъ сосѣдей, если дать имъ деньги впередъ, съ зими, когда у нихъ нѣтъ хлѣба: бѣдника-сосѣда при этихъ условіяхъ можно порядить за 3 рубля, а самому взять такую-же работу въ степи за 12, за 18 рублей. Цифры эти не вымышленны: въ книгахъ договоровъ и сдѣлокъ мѣстныхъ Волостныхъ Правленій—вы найдете массу условій на житиво по 3½ и даже по 3 рублямъ за хозяйственную десятину въ 4000 кв. саж. (обычная „въ степи“ земельная мѣра) и въ то-же время извѣстно, что во время страды, „въ горячую пору“ плата въ степи за житиво такой десятины поднимается иногда до 18 рублей и едва ли не выше, а 12 рублей цѣна довольно обыкновенная. Кромѣ денежной платы, на такую „десятину“ полагаются еще выдача натурой: 1 пудъ муки, 10 фунт. крупы, 1 ф. соли, иногда еще и 1 ф. масла. Это-то обстоятельство

(*) Разсказываютъ, что иногда татаринъ изъ этой категоріи является въ домъ къ русскому или чувашенину съ полштофомъ водки и заявляетъ, что онъ пришелъ его угостить. Такого угощенія почти никто не принимаетъ, а отъ гостя спѣшатъ отдѣлаться чашкой муки или краюхой хлѣба.

и даетъ возможность бѣднымъ татарамъ отправляться на заработки въ степь цѣлыми семьями: около большихъ, въ артели, прокормятся кое-какъ и дѣти. Подаяніе изъ милости, разумѣется, также играетъ тутъ извѣстную роль. Вышеуказанные размѣры пайка, очевидно, опредѣлились такъ сказать, сами собой, путемъ опыта: это очевидно столько, сколько нужно на прокормленіе и чеченіи того срока, въ какой можно убрать десятину въ 4000 кв. саж., при благоприятной погодѣ. Если-же погода задерживаетъ уборку, или „десятина“ попадется не-спорая (напр. съ большой примѣсью сорныхъ травъ), то этого пайка не достааетъ, и уже отъ милости хозяина зависитъ, прибавитъ къ нему сколько-нибудь, или заставитъ рабочихъ прикупать провизію на ихъ собственный счетъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ пайкъ представляетъ удобство для обѣихъ сторонъ: наниматель слагаетъ съ себя хлопотливую заботу о продовольствіи артели; рабочій получаетъ возможность пустить въ дѣло всю рабочую силу своей семьи: стариковъ, подростковъ, даже дѣтей, и—что для него еще важнѣе—не связанъ заботой о продовольствіи семьи, оставшейся дома: „omnia mea secum porto“—можетъ онъ сказать, отправляясь въ степь со всей семьей, на собственной лошади, положивъ въ телѣгу кое-какую одежду и неизбѣжный самоваръ, замѣняющій ему домашній очагъ. Лошадь питается въ дорогѣ и во время работы чѣмъ Богъ пошлетъ,—на подножномъ корму. Гдѣ нибудь, въ красивой мѣстности, среди тѣсной поляны, на берегу озера или ручья, вы часто встрѣтите здѣсь подобныя семьи „бурлака“—татарина на привалѣ: весело играютъ дѣти въ кустахъ, весело кипитъ самоваръ, съ довольнымъ видомъ пасется лошадь, татарка вынимаетъ изъ гризнаго мѣшка заветные кусочки хлѣба, и сахару, могучая фигура отца семейства раскинулась на травѣ. Безъ сомнѣнія, это счастливіишіе моменты въ жизни подобныхъ семей: тепло, свѣтло, все такъ привѣтливо смотритъ вокругъ „на лонѣ природы“—какой контрастъ съ мрачной избой, безъ стеколъ въ окнахъ, сырой, холодной и тѣсной, столько мѣсяцевъ державшей эту семью въ своихъ страшныхъ, какъ могила, объятіяхъ... И по общему отзыву всѣхъ и каждого въ этихъ краяхъ: нѣтъ работника лучше татарина: въ страду онъ не замѣнимъ, онъ дѣлаетъ чудеса, поражаетъ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ. Естественное, что за этимъ должна слѣдовать реакція: круглый годъ нельзя „надрываться“, и вотъ на того-же самого татарина жалуются все и каждый, что „онъ лучше проле-

жить не вши, чѣмъ пойдетъ молотить за 15 коп. въ день. Если не принимать въ расчетъ этой естественной реакции, никогда не разберешься въ этихъ противурѣчiяхъ, отзывахъ о татаринѣ, какъ рабочемъ: то дивятся ему и ставятъ его выше работника всѣхъ другихъ націй, то представляютъ его какимъ-то лѣнцемъ и лежебокомъ.

„Бурлачество“ — результатъ заселенiя Самарскихъ степей, въ особенности появленiя на мѣстѣ калмыцкихъ кочевыхъ богатыхъ нѣмецкихъ колонiй по соседству съ описываемой мною мѣстностью, отозвалось на бытѣ здѣшнихъ татаръ роковыми послѣдствiями: русскiе и чуваши, менѣе подвижны по природѣ, не поспѣли на приманку выгодныхъ заработковъ въ степи; отъ нихъ рѣдко кто ходитъ „бурлачить“. Бѣднѣйшая часть татаръ увлеклась этимъ промысломъ въ ущербъ собственному хозяйству, а вотъ мы видимъ у нихъ только въ двухъ деревняхъ почти столько-же „безхозяйныхъ“ дворовъ (52), сколько во всѣхъ 12 русско-чувашскихъ селенiяхъ той-же волости (58). Состоянiе полной „безхозяйности“ или близкое къ этому (а въ такомъ состоянiи всѣ 200 дворовъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь) подрываетъ выгоду отъ хожанго промысла. Стороннiй заработокъ не можетъ дать столько, чтобы цѣлую зиму и весну было изъ чего покупать и хлѣбъ, и одежду, и обувь, и топливо, и платить подати. Тогда какъ состоятельному крестьянину почти нечего покупать, бѣдняку ежедневно и на все про-все нужны деньги и деньги: онъ не сѣялъ или почти не сѣялъ хлѣба, не разводилъ ни льна, ни конопли—хозяйствъ не изъ чего пристать; у него нѣтъ овецъ, слѣдовательно нѣтъ овчины на шубу, нѣтъ шерсти на кафтанъ и валенки; у него нѣтъ коровъ—дѣти безъ молока; нѣтъ лошади, потому что нѣтъ корму; нужно ее нанять и для пашни, и для возки сноповъ, и для поѣздки въ лѣсъ. На долго-ли хватить при такихъ условiяхъ 20—30 рублей, принесенныхъ изъ степи? Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда въ степи-же, въ виду некушенiй бездомнаго, скитальческаго существованiя—остается не малая доля заработанныхъ денегъ: по общимъ отзывамъ—молодежь въ степи развращается: „дома не смѣютъ, а въ степи—пьютъ водку“. Такимъ образомъ, зима проходитъ въ отчаянныхъ поискахъ ссуды подъ будущую работу. Тутъ-то и падаетъ цѣна до 3-хъ рублей за уборку „сотенной“ десятины, и не рѣдко идти въ степь совсѣмъ не удается, потому что дома, у зажиточныхъ сосѣдей съ зимы было набрано столько работы, что пока ее переработаетъ, въ степи уже нѣтъ хлѣба.

будетъ убранъ. Кроме „одножилей“, даютъ впередъ подъ работу и нѣмцы-колонисты, у которыхъ масса постоянныхъ годовыхъ работниковъ изъ татаръ-подростковъ. Черезъ эту отдачу дѣтей въ нѣмцы въ работники, здѣшнiе татары въ постоянныхъ сношенiяхъ съ колонистами, и отсюда возможность получить отъ нихъ въ кредитъ, подъ будущую работу, деньги на покупку хлѣба. Иногда вмѣсто денегъ прямо берутъ картофелемъ или мукой. Сто-ворившись о цѣнѣ, татаринъ пишетъ на себя въ Волостномъ Правленiи своего рода „кабальную записку“—условіе или вѣрнѣе сказать обязательство, при чемъ непременно требуются поручители: относить этотъ документъ въ „нѣмцу“ и получаетъ впередъ деньги. Другое средство добыть деньги на покупку хлѣба—„продать землю“, т. е. сдать свой надѣлъ въ аренду. Это дѣлается безъ посредства Волостнаго Правленiя, но также по домашнимъ письменнымъ условiямъ, и тутъ обыкновенно являютъ посредниками скупщики чужихъ надѣловъ, такъ какъ чувашинъ или русскiй крестьянинъ боится непосредственно арендовать землю у бѣднаго татарина: случаи обмана, напр. сдачи одного и того-же надѣла въ нѣсколько рукъ, повидимому, были слишкомъ часты. Благодаря этому, плата за землю упала до крайнихъ предѣловъ: такъ напр. у Кривозерскихъ и Степно-озерскихъ татаръ нѣсколько годъ „продавали души“ по 4 рубля, тогда какъ разныхъ окладныхъ платежей съ души причитается до 8 рублей. Не удивительно, что при такихъ условiяхъ накапливаются неоплаченные недоимки.

Остается еще упомянуть о разныхъ не земледѣльческихъ промыслахъ: дѣйствительно между здѣшними татарами масса плотниковъ, пильщиковъ, кирпичниковъ, землекоповъ, многіе промышленники плетутъ изъ черемуховыхъ корзинъ для тарантасовъ; но самыя названiя этихъ промысловъ показываютъ, что они рассчитаны на потребности крестьянской-же массы, а такіе промыслы въ неурожайный годъ почти совсѣмъ прекращаются.

Такое положенiе вещей, продолжаясь изъ года въ годъ, привело здѣшнихъ татаръ въ какое-то безвыходное положенiе. Недоимокъ за ними, если считать вмѣстѣ съ продовольственными долгами, такая масса, что если-бы даже продать весь скотъ, весь избытокъ и весь домашній скарбъ недвижимыхъ, то не покрывался бы и половина ихъ долговъ. Они сознаютъ такое положенiе и это сознание дѣйствуетъ на нихъ подавляющимъ образомъ: разорившіеся татаринъ никогда не забываетъ, что онъ ничему не мо-

жестъ завести, потому что все, что онъ заведетъ, его за-
стаютъ тотчасъ-же продать на уплату недоимки. Суще-
ствование закона, обеспечивающаго крестьянину непри-
косновенность необходимыхъ въ его хозяйствѣ скота, ору-
дій и строений—на практикѣ обходится очень просто:
волостной старшина приказываетъ старостѣ и сборщику
подать на недоимщика жалобу въ волостной судъ, какъ
на „уклопяющагося отъ платежа по упорству и нера-
дѣию“; волостной судъ—„въ страхъ и примѣръ прочимъ“,
присуждаетъ розги, если къ извѣстному сроку не будетъ
произведена уплата; втеченіи этого срока прискивается
покупатель на землю или на лошадь, анбаръ, и т. п.,
и недоимщикъ „добровольно“ уплачиваетъ то, что съ него
требуютъ. Впрочемъ, иногда староста достигаетъ того-же
результата и безъ суда: по предоставленной ему власти,
онъ сажаетъ неплательщика „въ подполье“ и держитъ его
тамъ въ темнотѣ и въ холодѣ втеченіи узаконеннаго срока.
Разумѣется, и къ этому средству прибѣгаютъ рѣдко, во-
1-хъ потому, что никто ужъ ничего и не заводитъ изъ
тѣхъ, кому грозитъ подобная перспектива; во 2-хъ по-
тому, что староста безъ разбора не будетъ со всякимъ
такъ поступать.... Повидно, какую громадвую власть
въ дѣлахъ „міра“, во всѣхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ на сходѣ,
приобрѣтаетъ въ виду этого зажиточная часть населенія,
изъ среды которой избираются старосты, сборщики и во-
лостные судьи. Ихъ слово—законъ для массы, зависящей
отъ нихъ чуть не на каждомъ шагу. Оттого-то, напр.
ивнѣшней осенью вся Егоркинская волость отказалась
отъ ссуды на обѣщаніе, хотя на сѣмена и пришлось
покупать рожь дорогой цѣной очень многими, а въ кото-
рые и совсѣмъ не зашли. Но увлѣчительной части „міра“
или были свои сѣмена въ прошлогоднихъ, немолоченныхъ
скирдахъ хлѣба, или возможность другъ у друга позаим-
ствоваться; а если бѣднота по недостатку сѣмянъ будетъ
дешевле „продавать души“—тѣмъ лучше для тѣхъ, кто
ихъ „покупаетъ“....

Но обратимся къ цифрамъ, которыя обрисуютъ хозяй-
ственное положеніе подлежащихъ нашему разсмотрѣнію
200 обѣдѣнныхъ дворовъ—лучше всякихъ словъ

ТАБЛИЦА II.

	Г	р	у	п	п	ш.
	I.	II.	III.	IV.		
	Съ лошадью но безъ коровъ.	Безлошадные.	Безхозяйные.	Безземельные.	В с е г о .	Процентное отношеніе.
Число дворовъ вообще	88	44	52	16	200	100
<i>Въ томъ числѣ</i>						
<i>дворовъ у которыхъ</i>						
— нѣтъ лошади.....	—	44	38	12	94	47
— нѣтъ коровы.....	88	37	49	11	185	92,5
— нѣтъ овецъ.....	81	42	52	15	190	95
— нѣтъ никакого скота	—	35	36	11	82	41
— нѣтъ, кромѣ избы, ни- какихъ построекъ..	37	29	33	11	110	55
— нѣтъ стеколъ въ ок- нахъ (пузыри) ^(*) ...	14	7	9	2	32	16
— нѣтъ избы (живутъ на квартирѣ).....	2	1	10	—	13	6,5
— нѣтъ въ домѣ работ- ника.....	—	9	10	11	30	15
— нѣтъ сохи.....	35	37	52	16	140	70
— нѣтъ бороны.	46	38	52	16	152	76
— нѣтъ телеги.....	1	28	39	15	83	41,5
— не было посажено кар- тофеля въ огородѣ.....	—	—	12	1	13	6,5

(*) Эти свѣдѣнія (объ окнахъ) относятся только къ одной деревнѣ,
Стенному Озеру; въ Кринонѣ Озерѣ о числѣ „пузырныхъ“ избъ свѣ-
дѣнія не были собраны. Въ Стенномъ Озерѣ всѣхъ жилищъ избъ у дво-
ровъ этихъ четырехъ разрядовъ—51, такъ что почти 2/3 ихъ не имѣютъ
стеколъ въ окнахъ.

Разсмотримъ, чего имѣтъ въ этихъ дворахъ, посмотримъ, что они имѣютъ и сколько засѣваютъ:

ТАБЛИЦА III.

Во время переписи, въ июлѣ 1883 года, было:	Дворовъ.	Лошадей.	Королевъ.	Жеребятъ.	Телятъ.	Овецъ.	Ягнятъ.	Козъ.	Буръ.	Дилыхъ избъ.	Прочихъ построекъ.	Телятъ.	Сохъ.	Боронъ.
Съ лошадью (безъ коровъ)	88	88	—	6	16	18	14	17	138	86	73	87	53	42
Безлошадныхъ	44	—	7	—	6	5	6	1	40	54	18	16	7	6
Безхозяйныхъ	52	14	3	—	—	—	1	—	19	42	10	13	—	—
Безземельныхъ	16	4	5	1	3	10	5	—	6	16	5	1	1	1
Итого	200	106	15	7	25	33	25	19	203	189	106	117	61	49

Если перевести все это на деньги, полагая цѣну лошади „на-кругъ“—15 р. (кто знаетъ, что это за лошади, тотъ вѣроятно найдетъ эту оцѣнку преувеличенной) коровъ по 20, жеребятъ и телятъ по 5 р., козъ, овецъ и ягнятъ по 3 р., куръ по 20 к., избу—15 р. амбарушки по 10 р., телеги по 2 р., сохи и бороны по 1 р. за штуку—получится сумма въ 6677 р. 60 к., выражающая стоимость имущества 200 дворовъ, съ населеніемъ въ 934 человека, что составляетъ въ среднемъ выводъ на 1 дворъ 33 р. 77 к., а на наличную душу 7 р. 15 к.

Но къ этому слѣдуетъ еще присоединить полевой посѣвъ и картофель въ огородахъ: полагая урожай картофеля въ самъ 4, а за вычетомъ на сѣмена самъ 3 и разсчитывая только на тѣ дворы, у которыхъ картофель былъ посаженъ, мы можемъ и объ этомъ предметѣ представить довольно точныя свѣдѣнія, пользуясь матеріалами нашей переписи:

ТАБЛИЦА IV.

Ч и с л о д е с я т и в ъ
в ъ д в у х ъ п о л я х ъ.

ДВОРЫ.	Число дворовъ.	Надѣльной пахатной.	изъ того числа		Арендуютъ.	Всего посѣва.	На 1 дворъ.	На 1 работника (мужчину).	Собрано въ 1883 г. картофеля.	На 1 дворъ.	Дворовъ, у коихъ не было посажено картофеля.
			Сдають.	Сами закупаютъ.							
1) съ лошада- но безъ коровы. . .	88	249	41	208	53 1/2	261 1/2	2,9	2,7	2025	23	—
2) безлошад- ные . . .	44	94	16 1/2	77 1/2	7 3/4	85	1,9	1,2	840	19	—
3) безхозяй- ные . . .	52	142	142	—	—	—	—	—	634	16	12
4) безземель- ные . . .	16	—	—	—	9 1/2	9 1/2	0,9	1,7	180	12	1
Всего. .	200	485	199 1/2	285 1/2	70 1/2	356	—	—	3679	19 1/2	

ДВОРЫ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ въ яровомъ полѣ болѣе всего сѣютъ полбы; ячмень и пшеницу вовсе не сѣютъ, гречи — мало. Что-же касается бѣдныхъ дворовъ, они почти совсѣмъ не сѣютъ и овса. Въ виду этого, мы будемъ не далеки отъ истины, если предположимъ, что половина посѣва, показаннаго въ этой таблицѣ, представляетъ исключительно посѣвъ полбы, и такимъ образомъ вычислимъ—сколько хлѣба могли собрать разсматриваемые нами дворы. Объ урожаѣ ржаного хлѣба—нечего говорить, такъ какъ его *буквально* не было (особенно у бѣдныхъ, которые забравшись чужой работой, поздно сѣютъ, а часто и землю свою обрабатываютъ наймомъ, такъ какъ сами уходятъ въ степь; плохо обработанная, рѣдко и поздно посѣянная пашня такъ зарастаетъ травой, что и при хорошемъ вообще урожаѣ даетъ много меньше другихъ, тщательно воздѣланныхъ; а нынѣшній годъ—такіе „загоны“ не стоило даже и убирать). Урожай полбы ожидался этотъ годъ очень хорошій, но въ той мѣстности, о которой я говорю, эти ожиданія не оправдались: къ полному неурожаю ржаного хлѣба присоединилась неожиданная гибель значитель-

ной доли урожая яровых посѣвовъ, вслѣдствіе необыкновенно сильнаго вѣтра, бушевавшаго двое сутокъ въ самомъ началѣ ихъ уборки. Въ донесеніи Волостнаго Правленія исправнику этотъ вѣтеръ названъ—„подобн мѣ урагану“, и это сравненіе вполне уместно: и слышать, напимѣрь, рассказъ очевидца о томъ, какъ этимъ вѣтромъ на его глазахъ опрокинуло крестьянскую лошадь съ сохой. Считаютъ вообще, что до $\frac{1}{3}$ зерна частью высыпалось, частью сбито было съ колосьями на землю. По всему этому, мы навѣрное будемъ нѣсколько прикрашивать действительность, если предположимъ урожай полбы въ 8 тѣлѣтъ съ десятины, а умолотъ—5 пудовъ (ядра) съ тѣлѣтъ. По такому максимальному расчету 88 дворовъ перваго разряда со 130 десятинъ могли получить 5200 пудовъ полбы; отчисляя отсюда 1560 пудовъ на сѣмена (по 12 пудовъ на 130 десят.) получаемъ въ остаткѣ 3640 пудовъ на 88 дворовъ съ населеніемъ въ 444 человека, что составляетъ около $40\frac{1}{2}$ пуд. на дворъ, или около $8\frac{1}{5}$ пуда на человека. Слѣдующіе 44 двора, по такому же расчету могли собрать съ своихъ $42\frac{1}{2}$ десятинъ яроваго—1700 пудовъ, а за вычетомъ на сѣмена у нихъ могло остаться на продовольствіе 1190 пудовъ, т. е. по 27 пудовъ на дворъ или по $5\frac{3}{4}$ пуда на человека. Изъ безземельныхъ—только въ 4-хъ дворахъ былъ посѣвъ (по $2\frac{1}{3}$ десят. на дворъ въ среднемъ выводѣ); урожай яроваго, согласно нашимъ предположеніямъ, могъ доставить имъ около 32 пудовъ на дворъ.

Итакъ, подводя итогъ всѣмъ этимъ расчетамъ, мы вправе сказать, что собственныя продовольственныя средства изслѣдуемыхъ 200 дворовъ, семь—восемь мѣсяцевъ назадъ, заключались: у 136 дворовъ, имѣвшихъ посѣвъ, въ 4960 пудахъ полбы и 2913 мѣрахъ картофеля; изъ остальныхъ 64 дворовъ 51 дворъ имѣли только 766 мѣръ картофеля, а 13 дворовъ не имѣли ни картофеля, ни хлѣба.

Значеніе этихъ цифръ будетъ понятнѣе, если мы представимъ численность населенія этихъ 200 дворовъ и его рабочую силу въ нижеслѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА V. (*)

ДВОРЫ.

	Дворовъ.	Дѣтей.	Подростковъ.	Старикъ и старухъ.	ИТОГО.	Въ рабочемъ возрастѣ.		Всего населенія.	На 1 дворъ.	Способныхъ къ работѣ мужчинъ.	На 1 дворъ.	На одного работника.	Остатокъ, фодковъ.
						Мужч.	Женщ.						
1) съ лошадыю, но безъ коровъ	88	154	28	27	209	123	112	444	5,0	110	1,22	3,02	
2) безлошадные	44	76	19	8	103	49	54	206	4,7	43	0,97	3,73	
3) безхозяйные	52	97	14	16	127	57	57	235	4,5	47	0,90	4,00	
4) безземельные	16	18	6	3	27	6	16	49	3,0	5	0,31	8,69	
Итого	200	345	67	54	466	229	239	934	4,6	205	1,02	3,58	

Эта таблица ясно показываетъ, что бѣдность дворовъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ убываетъ во дворѣ количество способныхъ къ работѣ мужчинъ; хотя въ тоже время убываетъ населенность дворовъ вообще, но и при меньшей населенности двора, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ больше въ немъ фодковъ причитается на одного работника. У безземельныхъ такое невыгодное отношеніе достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ: если представить себѣ 16 безземельныхъ дворовъ въ видѣ одной семьи, то оказывается, что въ этой семьѣ на одного способнаго къ работѣ мужчину приходится около 9 человекъ, которыхъ онъ долженъ прокормить, такъ какъ въ этой семьѣ, состоящей изъ 49 человекъ, всего только 5 мужчинъ, способныхъ къ работѣ. Въ действительности-же, изъ числа этихъ 16 дворовъ въ 11 совсѣмъ нѣтъ работниковъ—мужчинъ: это дворы вдовъ и сиротъ. Читатель найдетъ ниже подробное ихъ описаніе; теперь-же мы остановимся еще нѣсколько на статистическомъ анализѣ вопроса о рабочей силѣ дворовъ и отношеніи ея къ числу фодковъ. Привлечемъ опять къ разсмотрѣнію первыя три группы населенія.

(*) Въ этой таблицѣ названы дѣтми—мальчики до 14 лѣтъ; дѣвочки до 12; подростками—слѣдующій возрастъ: въ мужскомъ полѣ—14—17 лѣтъ, въ женскомъ 13—15 лѣтъ включительно. Въ рабочемъ возрастѣ считаны мужчины 18—60 лѣтъ, женщины 16—55 лѣтъ включительно.

которые мы рѣшили считать частію зажиточными, частію состоятельными. (См. Таблицу I) Сравненіе этихъ группъ съ остальными въ отношеніи ихъ личнаго и рабочаго состава еще рельефнѣе обрисовываетъ одну изъ главныхъ—очевидно—причинъ обѣднѣнія въ крестьянскомъ быту: упадокъ рабочей силы двора, въ смыслѣ уменьшенія количества мужчинъ работниковъ *въ расчетъ на 1 дворъ*. Въ составѣ данной группы, мужчинъ-работниковъ можетъ быть даже больше, чѣмъ въ другой; но если въ расчетѣ на 1 дворъ ихъ оказывается менѣе—группа оказывается въ низшемъ разрядѣ по степени своей хозяйственной состоятельности:

ТАБЛИЦА VI.

	Г.	Р.	У.	П.	Ц.	Ы.	
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
Съ 3 лошад. и больше.	22,3	20,0	23,7	25,0	20,0	20,0	10,0
Съ двумя лошадьми.	1,37	1,31	1,33	1,33	0,37	0,30	0,31
Съ лошадью и коровой.	8,6	7,3	5,6	5,0	4,7	4,8	3,0
Везъ коровы съ лошадью.	3,37	3,78	3,31	3,03	3,73	4,00	8,00
Безлошад- ные.							
Безхозя- инные.							
Безземель- ные.							

Изъ 100 жителей—способ-
ныхъ къ работѣ мужчинъ..
На 1 дворъ причитается
работниковъ
На 1 дворъ причитается
жителей
На одного способнаго къ
работѣ мужчину приходится
остальныхъ домоковъ

Эти цифры нельзя не признать довольно краснорѣчи-
вымъ доказательствомъ вреда семейныхъ раздѣловъ. Про-
тивъ этого трудно спорить; сами крестьяне сознаютъ
этотъ вредъ. Въ той мѣстности, гдѣ я производилъ пере-
пись, русскіе крестьяне даже не употребляютъ слова:
„зажиточный, состоятельный“, а говорятъ—„семьянистый
дворъ“; обѣднѣвшіе-же дворы здѣсь называютъ—„мало-
мощными“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они считаютъ семейные раз-
дѣлы явленіемъ не только естественнымъ, но и совер-
шенно неустраняемымъ: они довольно удачно аллегорически
указываютъ на корень этого явленія, говоря: „когда
итенчикъ вырастетъ—его въ гнѣздѣ не удержишь“. Ста-
рики при этомъ указываютъ на упадокъ почтительности
къ старшимъ въ новомъ поколѣніи, воплиѣ сознавалъ, что

насилованными мѣрами, при отсутствіи того нравствен-
наго цемента, которымъ большія семьи держались въ
прежніе, старые годы.—нельзя достигн. удовлетворитель-
ныхъ результатовъ. Дѣйствительно, *раздѣлы въ существѣ*
дѣла—не въ томъ, что двѣ—три семьи разошлись жить
по разнымъ избамъ, а въ томъ, что они *не хотятъ* и
перестали другъ другу помогать посредствомъ раздѣленія
труда. При такихъ условіяхъ—и въ одной избѣ, или на
одномъ дворѣ и—повидимому—сохраняя общность иму-
щества, они уже раздѣлились, и никакой „сходъ“ не въ
состояніи этому помѣшать (не говоря уже о томъ, что
сходъ никогда и не пожелаетъ препятствовать семейнымъ
раздѣламъ). Насильно скованныя другъ съ другомъ семьи
стали-бы больше вредить другъ другу, чѣмъ помогать.
Изъ разказовъ крестьянъ о случаяхъ семейныхъ раздѣ-
ловъ можно вообще вывести, что во многихъ случаяхъ
раздѣлъ является средствомъ улучшить положеніе вещей
доведенное семейными несогласіями до плачевнаго состо-
янія. Когда двѣ—три семьи, живущія нераздѣльно, вмѣсто
дружнаго сотрудничества, начинаютъ и въ мелочахъ, и
въ крупныхъ дѣлахъ вредить другъ—другу, желая этимъ
способомъ довести дѣло до раздѣла, тогда раздѣлъ яв-
ляется спасительнымъ средствомъ, наименьшимъ изъ
двухъ золъ.

Нельзя отрицать, что семейные раздѣлы являются од-
ною изъ важныхъ причинъ обѣднѣнія крестьянскихъ
массъ; но эта причина относится къ той-же самой кате-
горіи, какъ и другая, подобная ей—размноженіе насе-
ленія при постоянно-увеличивающемся истощеніи почвы. На-
силованными преградами нельзя остановить напоръ та-
кихъ могучихъ стихійныхъ дѣятелей, какъ стремленіе
человѣка имѣть семью и быть съ своей семьей самостоя-
тельнымъ „хозяиномъ“, выдѣлиться въ особую хозяйст-
венную единицу. Въ виду этого, борьба должна быть на-
правлена не противъ природы человека, а противъ исто-
щенія природныхъ богатствъ внешней среды ихъ нера-
зумной эксплуатацией.

Пользуясь „подворными списками“ нашей переписи и
замѣтками въ своей записной книжкѣ, приведемъ въ
заключеніе, поименный списокъ нѣсколькихъ крестьян-
скихъ дворовъ, чтобы читатель могъ наглядно познако-
миться съ ихъ обстановкой и бытомъ.

1. *Нагматулла Тохватуллинъ*. Производи подворную перепись въ Кривомъ Озерѣ (21 июня 1883 г.) я замѣтилъ, что за мною неотступно ходитъ изъ дома въ домъ, съ утра до вечера, какой-то татаринъ, необыкновенно тщедушный, низенькаго роста, болѣзненный; его видъ производилъ на меня тягостное впечатлѣніе: съ отекшимъ лицомъ, блѣдный, какъ покойникъ, съ какими-то неподвижными, оловянно-мутными глазами, онъ, видимо, съ трудомъ ходилъ, опираясь на палку, задыхался, говорилъ слабымъ, упавшимъ голосомъ. Оказалось, что это—десяти-никъ, Нагматулла Тохватуллинъ, котораго приставилъ ко мнѣ староста въ качествѣ проводника и переводчика. По пословицѣ: „сытъ голоднаго не разумѣтъ“,—напившись во время переписи чаю въ нѣсколькихъ зажиточныхъ домахъ (татары, вообще, очень гостепріимны), я только къ вечеру догадался, что мой несчастный проводникъ провелъ цѣлый день не въши и находится въ состояніи близкомъ къ обмороку. Мы разговорились: оказалось, что онъ всю весну прохворалъ, лежалъ три мѣсяца; теперь оправился и въ страду пойдетъ жать на людей, въ своей деревнѣ. На другой день я добрался и до его избы. Среди какого-то пустыря, заросшаго травой, безъ всякихъ пристрооекъ, кромѣ плетневыхъ стѣнъ, стояла она совершенно одиноко, напоминая своими размѣрами крестьянскую баню. Такія избы, кромѣ того, что тѣсны, всегда бываютъ холодны и недолговѣчны. Тогда какъ зажиточный крестьянинъ покупаетъ для избы срубъ (съ поломъ, потолкомъ и кося-ками) за 120—150 рублей; крестьянинъ средняго достатка—не дешевле 70, 60, рѣдко 40 рублей, бѣдный татаринъ, подобный Тохватуллину, приобретаетъ срубъ, заготовлен-ный для бани или анбарушки, за баснословно дешевую цѣну: Тохватуллинъ, напримѣръ, заплатилъ за срубъ для своей избы—восемь рублей, такъ что съ выдѣлкой и печ-кой она обошлась ему 15 рублей. Уже по этой цѣнѣ можно судить—какова эта изба. Она дѣлается, обык-новенно, изъ самаго тонкаго, осиноваго, лѣса; тонкіи и кривыя бревна нельзя пригнать плотно одно къ другому; мохъ между ними плохо держится; щели приходится за-мазывать глиной. На зиму такія избы для тепла обла-дываютъ, вплоть до оконъ, навозомъ. Изба мерзнетъ и прѣетъ попеременно: года черезъ три—черезъ четыре она уже смотритъ ветхой; тогда начинается ея чинка: сгнившія мѣста вырубаются, вставляются заплатки, и

чѣмъ больше заплатокъ, тѣмъ холоднѣе, тѣмъ ближе тотъ моментъ, когда въ избѣ уже совсѣмъ нельзя жить. Та-кимъ образомъ—„дешевое приходитъ на дорогое“. Избу Тохватуллина (также, какъ и многія другія подобныя ей) я смѣрялъ аршиномъ; въ ней оказалось, внутри, отъ вход-ной двери до передней стѣны ровно 4 аршина, поперекъ—4½; отъ полу до потолка—2 арш. 6 вершковъ. Печь и нары оставляли столько свободного пространства, чтобы сдѣлать буквально два шага отъ входа до наръ и два шага передъ печью, во время стрѣны. „Оконъ“ въ на-стоящемъ смыслѣ въ избѣ не было: ихъ замѣняли три отверстія слѣдующихъ размѣровъ: 7×10 вершковъ—одно; 7×12 вершк.—другое; 9×13 вершковъ—самое большое. О рамахъ и стеклахъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи въ подобныхъ избахъ: лѣтомъ оконныя отверстія ихъ затыкаются пузырями, на зиму—частію на глухо заты-каются тряпками, частію завѣшиваются соломеннымъ ци-комъ, такъ что люди живутъ въ темнотѣ. Зимой, слѣдо-вательно, соединяются въ такой избѣ всѣ ужасы, отрав-ляющіе жизнь человѣка: голодъ, холодъ, темнота и—очень часто—болѣзнь. Какой долженъ быть воздухъ въ такой избѣ, въ которой, спасаясь отъ мороза подъ навозной бровей, жмутся одинъ къ другому пять—шесть, а иногда и 10 человѣкъ,—объ этомъ не стоитъ распространяться. „Это не важность, что, пузыри,—часто говорили мнѣ при переписи татары—былъ-бы хлѣбъ“.... Такіхъ пузырныхъ избъ отмѣчено мною при переписи въ одномъ только Степ-номъ Озерѣ—42. Хотя всѣ они топятся „по бѣлому“ но въ сущности тѣже черныя: печи дымятъ, починить—не на что. Закоптившіе потолокъ и стѣны придаютъ еще болѣе мрачности этимъ вопіющимъ пріютамъ нищеты. Въ связи со всѣми прочими условіями, постоянный переходъ изъ темной, дымной избы на ослѣпительный свѣтъ зимняго, блистающаго снѣжнымъ покровомъ ландшафта—самая вѣроятная причина весьма распространенной между тата-рами слѣпоты. Въ двухъ деревняхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, по отмѣткамъ, сдѣланнымъ при переписи, я насчиталъ: *совсѣмъ слѣпыхъ*—37 человѣкъ (преимуще-ственно женщины) *почти слѣпыхъ*—13 человѣкъ, и съ болѣе или менѣе большими глазами—23 человѣка. Первая и вторая категорія вмѣстѣ—50 человѣкъ, на все населе-ніе (2402) составляютъ—2%, а всѣ три категоріи—почти 3%; если-же считать на одно только взрослое населеніе, такъ какъ всѣ эти 73 человѣка (за исключеніемъ одного 4 лѣтняго и одного 13 лѣтняго) оказались или въ рабочемъ

возрастѣ, или въ старческомъ—то оказывается, что изъ 100 человекъ взрослыхъ болѣе трехъ—слѣдые или почти слѣдые,—довольно явный признакъ, что это качество приобретаетъ съ годами. Чтобы судить о размѣрахъ этого бѣдствія, представимъ себѣ, что въ Казани, съ ея сорока-тысячнымъ населеніемъ, былъ-бы такой-же процентъ слѣдыхъ и почти-слѣдыхъ, какъ въ этихъ двухъ татарскихъ деревняхъ: это составило-бы, считая по 2 на-сто—2800,—вѣроятно въ десять разъ больше, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Но возвратимся въ избу Тохватуллина.

Я засталъ здѣсь всю его семью: жена—35 лѣтъ, по на видѣ—старуха; почти слѣдая, она ктому-же еще изуродована ревматизмомъ: пальцы на рукахъ скрючены и не разгибаются, ноги—сведены, такъ что она съ трудомъ ходитъ. Двое дѣтей—двѣ дѣвочки: 10 и 4 лѣтъ, стояли тутъ-же, рассматривая меня съ дѣтской наивностью и изумленіемъ. Голое тѣло повсюду сквозило изъ за лохмотьевъ, замѣтившихъ имъ одежду. Это были буквально лохмотья, носившіе слѣды многократнаго ушитоуванія—вѣроятно, доставлявшіе не мало труда больнымъ рукамъ полуслѣпой матери,—но очевидно никогда не знавшіе мыла. Обстановка избу гармонировала со всѣмъ остальнымъ: квашня, доска для стряпни и двѣ или три чашки—вотъ буквально все, что было въ этой избѣ. Вѣроятно, все было распродано во время болѣзни хозяина для покупки пищи. Не было даже самовара изъ жести—обычной принадлежности и самой бѣдной татарской семьи: эти „самовары“, какъ извѣстно, постоянный предметъ укора для татаръ со стороны русскихъ—и крестьянъ, и „образованныхъ классовъ“, (особенно—последнихъ). Но дѣло въ томъ, что самоваръ въ данномъ случаѣ тоже, что котелъ, котораго часто и нѣтъ: это самое дешевое и удобное средство получить горячую приправу къ пищѣ, состоящей изъ одного только хлѣба и картофеля.

Осенью я еще разъ видѣлъ Тохватуллина: онъ смотрѣлъ здоровѣе, но природное тщедушіе, разумеется, осталось при немъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что втеченіи лѣта ему почти ничего не удалось заработать: впередъ были взяты деньги у своего односельца—нужъ о было ихъ отработать. Ряжено было по 1 р. 50 к. за десятину (казенной мѣры), на хозяйскомъ хлѣбѣ. Больная жена тоже помогала жать; ребенка брали съ собой, а старшую дѣвочку (10 лѣтъ) удалось помѣстить на это время въ люди—„въ няньки“. Вдвоемъ они проработали надъ десятиной десять дней; слѣдовательно—ихъ подневная плата

равнялась 7½ коп. на человека, въ то время, какъ въ степи зарабатывали въ день по рублю и болѣе. Идти въ степь имъ не удалось: во 1-хъ, какъ уже сказано, нужно было отработать взятые впередъ за жнитво деньги, во 2-хъ—цѣлая серия другихъ причинъ: жена—калька, артель не годится; ни она, ни маленькій ребенокъ нишкомъ далеко уйти не могутъ; лошадь нанять для этого—какъ и дѣлаютъ нѣкоторые,—очень дорого стоитъ: берутъ въ мѣсяцъ за „прокаты“ 5 рублей, да и то надо положить что нибудь въ залогъ, въ видѣ ручательства въ исправной уплатѣ, и представить поручителей на случай, если лошадь падетъ или пропадетъ. Въ виду столь тяжкихъ условій установленныхъ обычаемъ въ этой мѣстности, мало кому удается обзавестись на лѣто наемной лошадью; а потому, какъ бы ни были татаринъ бѣденъ для поѣздки въ степь съ семьей онъ изъ всѣхъ силъ старается имѣть собственную лошадь и телѣгу; благодаря этому, здѣсь процентъ безлошадныхъ дворовъ не такъ великъ, какъ это мы видимъ въ татарскихъ деревняхъ по другимъ уѣздамъ. Не имѣя лошади и телѣги, или приходится оставлять семью дома, уходя въ степь, или ходить не по-далеку и довольствоваться менѣе выгодной платой за трудъ. На примѣрѣ Тохватуллина мы уже видѣли, до какихъ невѣроятно-низкихъ размѣровъ можетъ дойти заработокъ при такихъ условіяхъ. Ко всему этому, у Тохватуллина былъ и свой постѣвъ: 480 кв. сажень перепаханной озими было засѣяно просомъ. (Въ яровомъ полѣ, по случаю болѣзни, постѣва вовсе не было). Просо уродилось такъ плохо, что пришлось его свосить косой; намолотилъ только 3 пуда. „Картошки“ въ огородахъ было посажено 10 „пудовыхъ“; собрали 40. Изъ нихъ 15 Тохватуллинъ спряталъ „въ яму“—на сѣмена: „Что будетъ, говорилъ онъ,—спряталъ... не поспѣмъ, такъ съѣмъ“—(слово „носпѣтъ“ здѣшніе татары и чувашинъ постоянно употребляютъ въ смыслѣ—„достать, хватить“). На вопросъ: чѣмъ надѣется просуществовать зиму?—Тохватуллинъ ничего опредѣленнаго сказать мнѣ не могъ: „въ работники-бы идти—разсуждалъ онъ,—нельзя домъ оставить: баба нездоровъ, за дровами ходить не можетъ. За „душу“ этотъ годъ только 4 рубля дадутъ, а „подушникъ“ спрашиваютъ 8 р. 19 к.“. Вопросъ о средствахъ къ существованію такимъ образомъ остался у насъ „открытымъ“. Очевидно, что безъ сбора милостыни этотъ „домохозяинъ“ и его семья не обойдутся; очевидно также, что на будущій годъ онъ перейдетъ окон-

тательно въ разрядъ „безхозийныхъ“ и увеличить количество недоимокъ на всю сумму причитающихся съ него платежей за 1883 годъ. Такихъ Тохватуллиныхъ — тысячи по губернии: удивительно-ли, что недоимка растетъ, несмотря на энергичныя мѣры взысканія? Съ такихъ „домохозяевъ“ — взять нечего. . . .

2. *Найматулла Файзуллинъ*, — 47 лѣтъ; женѣ — столько-же. У нихъ пять человѣкъ дѣтей: мальчики — 6 лѣтъ, дѣвочки — 12, 10, 4 и 1 году. Всѣ здоровы. Осенью, я засталъ эту семью въ веселыхъ хлопотахъ: Файзуллинъ ставилъ новую избу. Срубъ былъ не (безъ полу и потолка) былъ купленъ въ соседнемъ селѣ Тюриульсѣ за семь рублей. Старая изба была еще не разобрана и ясно говорила своими гнилками и щелями, что жить въ ней болѣе, дѣйствительно, невозможно. Такимъ образомъ, заработавши лѣтомъ въ степи деньги Файзуллинъ испробовало было извести на стройку. Продать нечего: ни лошади, никакого вообще скота, ни даже курицы у него не было. Земельный надѣлъ на 1 душу почти весь былъ отданъ другому: только $\frac{1}{4}$ десятины („осминышъ“) засѣянъ была просомъ. Оно не уродилось — трава заглушила: свезъ только 2 телѣги, съ которыхъ намолотилъ 4 пуда. Въ огородѣ было посажено 5 пудовокъ картофеля: собрали 20. Вотъ и всѣ продовольственные средства этой семьи, состоящей изъ 7 человѣкъ. Но это было въ сентябрѣ прошлаго года, болѣе полгода назадъ. Чѣмъ и какъ существуетъ эта семья — это така-же загадка относительно этой семьи, какъ и относительно цѣлаго ряда другихъ, ей подобныхъ. . . .

3. *Ди-Мухаметъ Назыровъ*. Ему 49 лѣтъ, женѣ — 40 (вторая). Пятеро дѣтей: старшему сыну 12 лѣтъ (отданъ былъ въ работники въ ибиду, въ колонію) второму — 9; третьему — 3 года. Дочерямъ: одной — 8 лѣтъ, другой — 6 мѣсяцевъ. Люлька съ этимъ ребенкомъ издавала такую вою, что я съ трудомъ высиживать минутъ пять въ ихъ избѣ: но при этомъ у меня въ записной книжкѣ отмѣчено: „въ избѣ очень чисто; дѣти имѣютъ здоровый цвѣтъ лица; но животы сильно вздуты“. Это необыкновенное, до степени уродства доходящее вздутие животовъ у дѣтей вначалѣ меня поражало и я заботливо сиранивалъ родителей: что за болѣзнь у ребенка? Показывали-ли его доктору? Но въ родителяхъ мои вопросы возбуждали только снисходительныя улыбки: въ этомъ явленіи они ничего особеннаго не находили. — „Онъ ашаль недавно“ — говорили они — „это съ картошки“. Впоследствии я и

самъ присмотрѣлся къ этому уродливому явленію, котораго мнѣ не доводилось замѣчать ни у русскихъ, ни у чувашъ. Вѣроятно, это послѣдствіе исключительнаго количества картофеля безъ достаточнаго количества соли. Между бѣдными татарскими дѣтьми эта — во всякомъ случаѣ — болѣзненная особенность встречается довольно часто; въ домахъ мало-мальски состоятельныхъ, сколько и помню, мнѣ ни разу не доводилось ее встрѣчать.

Ди-Мухаметъ Назыровъ было посажено 5 пудовъ картофеля за 4 р. 50 к. Въ огородѣ было посажено 5 пудовъ картофеля; собрали 20 (?). Болѣе этого никакихъ продовольственныхъ запасовъ не было; продать тоже нечего: въ избѣ у нихъ кромѣ посуды ничего не было. Квашни и нѣсколькихъ штукъ посуды ничего не было. Скота и птицы нѣтъ. Еще лѣтомъ я сиранивалъ Назырова: чѣмъ онъ будетъ жить зиму, не имѣя посѣва? Вотъ буквально записанный на подворномъ листѣ его отвѣтъ: „выйдемъ на спѣгъ на улицу, ляжемъ и будемъ умирать. . . .“ — Осенью когда я вторично заходилъ въ его избу, Назыровъ находился на заработкахъ у лесопромышленника Колчурина. На вопросъ: много-ли онъ можетъ тутъ заработать, бывшіе тутъ сосѣди утвердительно говорили, что въ недѣлю на пудъ муки заработаетъ. Староста и другіе односельцы почему-то особенно хвалили Назырова и называли его „ссылымъ бѣднымъ въ деревнѣ“. Можетъ быть потому, что онъ особенно энергично, повидимому, борется съ своей бѣдностью: кромѣ обычнаго „бурлачества“, онъ и бир-пичи бьетъ, и колодцы копаетъ, и куле набиваетъ на мельницѣ, и въ дровосѣки нанимается; при всемъ этомъ — по выраженію старосты: — „онъ болѣе правильный человекъ: умретъ, а слова не перемѣнитъ; ему всегда даютъ впередъ жать“. Дѣйствительно, и прошедшимъ лѣтомъ онъ жалъ, въ уплату забранныхъ впередъ денегъ, по 3 рубля съ хозяйственной десятины въ 4400 кв. саж., — да и поному слову не измѣнилъ, да и нельзя измѣнить: на то есть волостной судъ, который не остановится предъ про-

(?) Въ пользу достоверности этихъ показаній говоритъ то обстоятельство, что вопросъ о томъ, сколько посажено картофеля, предлагался въ мѣстѣ, а о томъ, сколько собрано — въ сентябрѣ; между тѣмъ отвѣты гардошируютъ одинъ съ другимъ: почти постоянно оказывается, что собрано ровно вчетверо противъ того, сколько было посажено. Въ историческомъ случаѣ нельзя даже предполагать, что отвѣчающій осенью полагаетъ, что онъ показывалъ лѣтомъ и соответственно этому говоритъ напр. лѣтомъ отвѣчалъ самъ Назыровъ, а осенью его жена и ч. его не было дома.

даже последней избы на уплату долга, а сь другой стороны—если разь обманешь, то на другой годь уже нику недасть впередь денегъ.

Часто упрекают татаръ въ томъ, что они „бросаютъ землю“, дѣлаются безхозными. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ упрекъ, покрайней мѣрѣ относительно той мѣстности, о которой здѣсь идетъ рѣчь, — представляеть плодъ недоразумѣній. Приведенная выше таблица (IV) о посѣвѣ показываетъ напротивъ, что бѣдный татаринъ, какъ утопающій — за союменку, до послѣдней крайности держится за землю. Въ 88 дворахъ перваго разряда мы насчитали только 53 сохи и 42 бороны, а посѣву оказалось — 261 десятина и въ томъ числѣ арендованныхъ 53 десятины: даже безлошадные 44 двора, при 7 сохахъ и 6 боронахъ, засѣваютъ 85 десятинъ (лошади большую частію беретъ въ этихъ случаяхъ за отработку, т. е. — тому, чья лошадь, обрабатываетъ десятину или „загонъ“ за право на его лошади вспахать свой загонъ; впрочемъ, уходя въ степь далеко и на долго, часто нанимаютъ „парить“ и сѣять озимъ за деньги, причемъ требуется положить залогъ въ исправности уплаты). Ничтожные размѣры посѣва обуславливаются въ данномъ случаѣ не тѣмъ, что земли мало (при меньшемъ надѣлѣ богатый мужикъ находитъ средства засѣвать въ 10 разъ больше) а все той-же зимней безкормицей: когда 7—8 фодковъ, можетъ быть со слезами пресать хлѣба — есть ли возможность сберечь на сѣмена? Размѣры запашки опредѣляются въ этихъ группахъ прежде всего количествомъ сѣмянъ. Съ другой стороны — посѣвъ всегда дѣло рискованное, тогда какъ яриботокъ въ степи — болѣе вѣрный источникъ средствъ. Если-бъ была возможность сразу подняться изъ состоянія почти полного нищества и постоянной необезпеченности, тогда всякій предпочелъ-бы поддерживать собственное хозяйство: но это — нѣчто недостижимое; поневолѣ приходится быть вѣчными батраками степи. Многіе уже выросли въ этомъ положеніи; отъ своихъ отцовъ они ничего не наслѣдовали, кромѣ гвюлей избы. Впереди — никакихъ шансовъ на уменьшеніе, и напротивъ — всѣ шансы за размноженіе подобныхъ дворовъ. Въ настоящее время въ 200 дворахъ только 25 стариковъ (старше 60 лѣтъ), а подростковъ (14—17 лѣтъ) муж. пола — 43, и моложе 14 лѣтъ мальчиковъ 183 человека. Въ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ эти 43 подростка всѣ переженятся, почти каждый поставитъ свою особую избу, образуетъ особый „дворъ“, заведетъ семью, и по

мѣръ того, какъ число этихъ „баграковъ степи“ будетъ
такими образомъ возрастать, плата за трудъ въ степи
будетъ все понижаться, тѣмъ болѣе, что и въ самой степи
населеніе также быстро увеличивается, своихъ—домаш-
нихъ—рабочихъ рукъ становится все больше. Не далеко
то время, когда „бурлачеству“ чистопольскихъ и татари-
скихъ татаръ придетъ конецъ. А къ тому времени и дома
уже нельзя будетъ вести хозяйство безъ скота, потому
что земля потребуетъ удобренія. Тогда тѣ, у кого теперь
много скота, сосредоточатъ въ своихъ рукахъ всю на-
дѣльную землю, а остальная половина населенія, (а въро-
ятнѣе—даже большая часть) обратится въ ихъ баграковы,
или двинется массама на переселеніе, если найдено бу-
детъ возможнымъ отстранить неодолимое препятствіе та-
кому исходу—запрещеніе выселяться тѣмъ, за кѣмъ чис-
лится недомыка. И въ настоящее время, перепись, кото-
рую мы производили по порученію земства, породила въ
населеніи нелѣпый слухъ, что переписываютъ затѣмъ,
чтобы разобратъ: кого оставить, кого выселить „на новыя
земли“, куда-то далеко.

Возвратимся опять къ помеченнымъ спискамъ.

Возвратимся опять къ поименнымъ спискамъ.
4. Вдова *Мухаббя Фаизова*, 45 лѣтъ, съ двумя дѣтьми, 10 и 7 лѣтъ мальчиками. Земли нѣтъ; въ огородѣ была посажена только 1 пудовка картофеля. Изба почти развалилась: братъ покойнаго мужа этой вдовы объяснилъ мнѣ, что онъ не позволяетъ ей поправлять избу, потому что дворовое мѣсто принадлежитъ теперь ему, а онъ не желаетъ, что-бы вдова на-вѣки тутъ оставалась; впрочемъ, пока можно жить въ избѣ, онъ вдову не выгоняетъ... Но вѣроятно—уже не долго ему ждать: даже полъ въ избѣ до такой степени сгнилъ, что въ щели между досками ногу можно просунуть; дѣти должны перешагивать черезъ эти щели. Все имущество вдовы было передъ моими глазами; я его переписалъ: одна подушка, два полубубка, кадочка въ углу, на ней доска, на доскѣ самоваръ изъ жести, чайная чашка и чайникъ. На полу металлическій кувшинъ для омовеній. Около печи два—три предмета изъ кухонной посуды. Больше—ничего. Сажмой вдовы не было дома; на вопросъ-же: чѣмъ она живетъ, мнѣ пояснили, что она промышляетъ вѣвниками и мохомъ. Одинъ изъ мальчиковъ стоялъ передомной, когда я сидѣлъ у нихъ въ избѣ. Я спросилъ его: что онъ сегодня ѣлъ? Мальчикъ весело засмѣялся и отвѣчалъ по татарски, что онъ—„ходилъ ашать по деревнѣ“ (такъ перевелъ мнѣ его отвѣтъ староста). Уродливо раздутый

жизнь мальчика обрисовывалась въ видѣ полушарія изъ-подъ грязной рубашки. — его единственного одѣлкія, не смотря наконецъ сентября.

Въ подобномъ-же положеніи еще слѣдующія вдовы: *Гализмиль Каримова*, съ тремя малолѣтними дѣтьми, *Гайша Ибраимова* (58 лѣтъ, больная) съ 11 лѣтнимъ сыномъ; вдова умершаго уже послѣ переписи крестьянина — старика *Хиснутдина Гасева*, прохворавшая всю страду, такъ что работала только дочь ея, 15 лѣтъ, получая 15—20 коп. въ день; вдова *Хусинова*, мать 14 лѣтняго „домохозяина“ *Хуснутдина Хусинова*, съ дочерью 16 лѣтъ, безземельная, какъ и всѣ вышеперечисленные, и вдобавокъ погорѣвшая весной 1883 г. Осенью и видѣлъ, что они уже поставили избу, вѣроятно продавши корову съ теленкомъ, которыхъ у нихъ были во время переписи. Мать *Исхака Ситтикова*, съ двумя дѣвочками: 9 и 7 лѣтъ, имѣвшая лѣтомъ корову, теленка и одну курицу, недавно овдовѣвшая, послѣ чего сынъ ея перваго мужа, *Исхаки Ситтиковъ* — мальчикъ 17 лѣтъ, взялъ ее на свое попеченіе т. е. вернулся въ отцовскій домъ изъ работниковъ въ качествѣ „домохозяина“ — кормильца семьи. Упомяну, наконецъ, о вдовѣ *Гальфуинѣ Халитовой*, старухѣ 75 лѣтъ, живущей вдвоемъ съ 13 лѣтнимъ внукомъ, — повидимому, весьма уважаемой въ деревнѣ за благочестіе: она постоянно шепчетъ молитвы и ее пускаютъ даже въ мечеть. Обо всѣхъ ихъ пришлось бы повторить одно и то-же съ небольшими варіаціями: здѣсь изба попопѣе, тамъ постарѣе, здѣсь съ пузырями, тамъ — съ остатками стеколъ въ окнахъ; здѣсь въ огородѣ 1½ пудовки картофелю, тамъ — 3, и т. д. и т. д.

Но прежде чѣмъ перейти въ другую деревню, Степное Озеро, слѣдуетъ указать на одного изъ героев послѣдней войны, унтеръ-офицера *Хайруллу Хуснутдинова* — почти слѣпого и едва передвигающаго пог, несмотря на молодое еще года (ему 41 годъ). Парализованъ-ли онъ или другая болѣзнь его постигла — сказать не умѣю; только работать онъ не можетъ, требуетъ даже ухода за собою, а между тѣмъ у него семья: жена и двое маленькихъ дѣтей. Прошедшей весной, ко всему этому, они погорѣли. Земля, разумѣется, не засѣяна, — чѣмъ они будутъ жить, неизвестно... *Хуснутдиновъ* просилъ пенсіи или пособія отъ военнаго вѣдомства; ему отвѣтили, что его обязано взять на свое попеченіе сельское общество, къ которому онъ принадлежитъ. Но читатель знаетъ теперь — въ какомъ положеніи это „общество“. Что оно можетъ сдѣ-

лать, когда въ немъ требующихъ попеченія столько, что если зажиточные будутъ давать на каждого бѣднаго по одному ломтю чернаго хлѣба въ день, то и сами скоро перейдутъ въ разрядъ нуждающихся?

ВЪ СТЕПНОМЪ ОЗЕРѢ.

Здѣсь 141 дворъ, между которыми мнѣ приходится дѣлать выборъ: на кого указать, кого привести въ примѣръ?

Вспоминается мнѣ прежде всего одна сцена или — вѣрнѣе — картина, которую мнѣ довелось здѣсь видѣть въ концѣ юни прошлаго года. Переходя со двора во дворъ, и дошелъ до какого-то пустыря, негороженнаго ни съ улицы, ни на задахъ. Безконечная кривизна да лохушникъ въ ростъ человека заставляли думать, что тутъ вѣтъ матеріала для переписи и я навѣрное прошелъ-бы мимо, если бы мнѣ не указали, что тутъ живутъ люди — не въ избѣ, а въ чѣмъ-то среднѣ между землянкой и шалашикомъ. Безобразная куча хворосту, соломы, досокъ, обсыпанныхъ землей, смазанныхъ глиной, подпертыхъ палками и жердями, съ ласейкой куда то внизъ, съ маленькимъ оконцемъ вродѣ тѣхъ, какъ бываютъ въ конюшняхъ, съ трубой — признакомъ топки „по-бѣлому“ — такова была „изба“, въ которую я хотѣлъ войти. Мнѣ не довелось, однако, въ ней побывать: хозяинъ этого жилища, молодой, богатырскаго сложенія татаринъ (*Миннигали Фахретдиновъ*) загородилъ мнѣ дорогу: подъ навѣсомъ шалаша, замѣнявшаго сѣна, на голой землѣ лежалъ онъ въ безсознательномъ состояніи. — повидимому, въ горячкѣ. У его головы стояла чашка съ водой, по другую сторону — валялся, тоже на землѣ, прикрытой какими-то тряпками, ребенокъ лѣтъ двухъ, — тоже, очевидно, больной, въ жару. Женщина, вѣроятно, спряталась при моемъ появленіи. Не помню теперь — если бы вызвали или по рассказамъ сосѣдей я сдѣлалъ записъ, но на „подворномъ листѣ“ этого домохозяина отмѣнены о немъ и его семьѣ слѣдующія свѣдѣнія: Ему — 38 лѣтъ, женѣ 35. У нихъ дѣти: мальчикъ 12 лѣтъ (отданъ въ подпаски), другой — 4 лѣтъ, третій — 2-хъ и дѣвочка — 8 лѣтъ. Есть лошадь, для прокормленія кочерой зимою было куплено сѣна на 3 р. 50 к. и соломы на 2 рубля. Бовѣе никакого скота нѣтъ. *Фахретдиновъ* промышляетъ бурлачествомъ и плетеніемъ корзинъ для тарантасовъ. Надѣлъ — на 2 души. Половину „продаетъ“, другую обрабатываетъ наймомъ. Своего хлѣба хватаетъ мѣсяца на 3.

Убожеством избы—„мазанки“, устроенной 25 лѣтъ назадъ, поражаетъ также дворъ *Абдуль Валея Наидеева*. Наидеевъ—старикъ 63 лѣтъ, слѣпой. Женатъ на второй женѣ, которой 45 лѣтъ. У него сынъ, 23 лѣтъ, тоже женатый, но тоже почти слѣпой, а также и его жена. Поэтому, обрабатывать землю не всегда могутъ, а равно и ходить на заработки. Собираютъ милостыню, хотя есть и свой небольшой посѣвъ.

Но обратимся къ какой нибудь семьѣ, гдѣ есть здоровый работникъ и при томъ не „бурлакъ“, а всецѣло отдающій свои силы собственному земледѣльческому хозяйству. Таковъ, напр. крестьянинъ *Сайдашевъ*, сынъ *Файзуллы Сайдашева*—старика 75 лѣтъ,—какъ водится—живущаго со второй женой (50 лѣтъ)—можетъ быть, прямо съ хозяйственной дѣлю: завести въ домѣ еще одну работницу, такъ какъ у жены сына очень много дѣтей, а именно: 10 и 7 лѣтъ мальчики и 12, 6 и 1 году дѣвочки. Итого семья изъ 9 человѣкъ, а работникъ—одинъ. Несмотря на массу дѣтей—въ домѣ нѣтъ коровы; выращиваютъ впрочемъ телку. Лошадь есть, съ жеребенкомъ; 5 овецъ, 5 ягнятъ и 5 курицъ. Въ огородѣ и въ полѣ было посажено 15 пудовокъ картофеля. Полевой посѣвъ значительный; едва-ли не тахитим того, сколько можетъ посѣять обработать одинъ работникъ. Въ двухъ поляхъ засѣяно—своей земли на $3\frac{1}{2}$ души и арендованной—на 2 жеребья, всего—немного болѣе 8 десятинъ. Очевидно, что при такой запашкѣ ходить въ степь уже некогда; слѣдовательно, всѣ платежи за землю должны быть покрыты доходомъ отъ земли, т. е. отъ продажи хлѣба. Сколько же онъ платитъ въ годъ при восьмидесятиной запашкѣ въ двухъ поляхъ? На одинъ земельный надѣлъ („на душу“) въ Степномъ Озерѣ причитается съ мужиковъ (солдаты платятъ менѣе) 7 руб. 32 коп.; слѣдовательно, за $3\frac{1}{2}$ души—25 р. 62 коп.; арендной платы на жеребій падаетъ 6 р. 81 к., на два жеребья—13 р. 62 коп. Итого, съ Сайдашева слѣдуетъ въ годъ 39 р. 24 к., не считая страховых платежей, громадныхъ продовольственныхъ долговъ, недоимокъ и разныхъ мѣстныхъ сборовъ: на наемъ подводъ, чинку мостовъ, наемъ пастуховъ, на дрова для мечети и школы и т. п. По сдѣланному мною расчету, этихъ мелкихъ сборовъ набирается въ годъ около рубля съ души, недоимокъ же и продовольственныхъ долговъ состояло за Степно-озерскимъ обществомъ къ 17 октября 12784 р. $7\frac{3}{4}$ к., не считая сложенныхъ по Всемилоствѣйшему Манифесту 15 мая 3509 р. 60 к. Къ этимъ не-

доимкамъ присоедините окладъ 1883 года—3885 р. 23 к., по которому почти ничего не поступило, по случаю неурожая, да немного, вѣроятно, поступить и по окладу текущаго 1884 года; такъ что къ началу будущаго года окладныхъ платежей накопится за Степнымъ Озеромъ около 20000, что составляетъ въ расчетѣ на одного мужчину способнаго къ работѣ около 56 руб. Отъ этого средняго вывода по всей деревнѣ, перейдемъ опять къ частному случаю, къ примѣру крестьянина Сайдашева, который „платитъ $3\frac{1}{2}$ души“. Арендную плату пока не будемъ включать въ расчетъ. Мы видѣли, что за $3\frac{1}{2}$ души съ него причитается въ годъ 25 руб. 62 коп., а съ присоединеніемъ страховых платежей смѣло можно положить для округленія счета 26 рублей. Мѣстныхъ сборовъ, считая по 1 р. съ души—3 р. 50 к.; итого 29 р. 50 к. Если изъ нынѣшняго урожая онъ не уплатилъ этой суммы,—къ январю будущаго года за нимъ будетъ считаться уже вдвое: за 1883 и за 1884 годы. Слѣдовательно, изъ урожая предстоящаго лѣта Сайдашевъ долженъ будетъ уплатить, кромѣ арендныхъ денегъ по контракту, 59 рублей. Но недоимки прежнихъ лѣтъ по расчету на 1 окладную душу составляютъ $\left(\frac{12784 \text{ р. } 7\frac{3}{4} \text{ к. нед.}}{519 \text{ окл. душ.}}\right)$ 24 руб. 63 коп.; если предположить, что Сайдашевъ—недоимщикъ въ полной суммѣ недоимокъ, то съ него за $3\frac{1}{2}$ души слѣдуетъ взыскать по недоимкамъ прежнихъ лѣтъ—86 руб. $20\frac{1}{2}$ коп. Итого—145 руб. $20\frac{1}{2}$ коп., да уже во всякомъ случаѣ онъ долженъ уплатить за 2 жеребья въ арендованной землѣ 13 р. 62 к. Слѣдовательно, если-бы (допустимъ на минуту невѣроятное предположеніе) изъ урожая будущаго лѣта рѣшено было сразу покрыть всѣ накопившіеся по прежнимъ счетамъ и текущіе платежи, то съ Сайдашева пришлось бы взыскать 157 рублей съ копейками, а вѣроятно и значительно болѣе, такъ какъ на обмѣненіе яровыхъ полей онъ, безъ сомнѣнія, возьметъ изъ земства новую ссуду. Эти расчеты съ неумолимой ясностью показываютъ, что за такими деревнями, какъ Кривое и Степное Озеро, недоимки и продовольственные ссуды приходится признавать неоплатными. Хозяйство ихъ по меньшей мѣрѣ не улучшается, фактическій пролетаріатъ съ каждымъ годомъ размножается, количество скота съ каждымъ неурожаемъ убываетъ, и нѣтъ никакихъ ручательствъ, что неурожай не будутъ повторяться и въ будущемъ также часто, какъ въ прошедшемъ: 1868 г., 1870, 1873, 1877, 1880 и 1883

Убожеством бабы — „мазанки“, устроенной 25 лет назад, поражаешь также двор *Абуль Валел Навеева*, Навеевъ — старикъ 63 летъ, слѣпой. Живать на второй женѣ, которой 15 летъ. У него сынъ, 23 летъ, тоже женатый, но тоже почти слѣпой, а также и его жена. Поэтому, обрабатывать землю не всегда могутъ, а равно и ходить на заработки. Собираютъ милостыню, хотя есть и свой небольшой посѣвъ.

Но обратимся къ какой нибудь семьѣ, гдѣ есть здоровый работникъ и при томъ не „бурлакъ“, а всецѣло отдающій свои силы собственному земледѣльческому хозяйству. Таковъ, напр. крестьянинъ *Сайдашевъ*, сынъ Файзуллы Сайдашева — старика 75 летъ, — какъ водится — живущаго со второй женой (50 летъ) — можетъ быть, прямо съ хозяйственной цѣлью: завести въ домѣ еще одну работницу, такъ какъ у жены сына очень много дѣтей, а именно: 10 и 7 летъ мальчики и 12, 6 и 1 году дѣвочки. Итого семья изъ 9 человекъ, а работникъ — одинъ. Несмотря на массу дѣтей — въ домѣ нѣтъ коровы; выращиваютъ впрочемъ телку. Лошадь есть, съ жеребенкомъ; 5 овецъ, 5 ягнятъ и 5 курицъ. Въ огородѣ и въ полѣ было посажено 15 пудовокъ картофеля. Полевой посѣвъ значительный; едва-ли не максимумъ того, сколько можетъ посѣять обработать одинъ работникъ. Въ двухъ поляхъ засѣяно — своей земли на $3\frac{1}{2}$ души и арендованной — на 2 жеребья, всего — немного болѣе 8 десятинъ. Очевидно, что при такой запанкѣ ходить въ степь уже некогда; слѣдовательно, всѣ платежи за землю должны быть покрыты доходомъ отъ земли, т. е. отъ продажи хлѣба. Сколько же онъ платитъ въ годъ при восьмидесятиинной запанкѣ въ двухъ поляхъ? На одну земельную вадьбу („я душу“) въ Степномъ Озерѣ причитается съ мужиковъ (солдаты платятъ менѣе) 7 руб. 32 коп.; слѣдовательно, за $3\frac{1}{2}$ души — 25 р. 62 коп.; арендной платы на жеребей падаетъ 6 р. 81 к., на два жеребья — 13 р. 62 коп. Итого, съ Сайдашева слѣдуетъ въ годъ 39 р. 24 к., не считая страховых платежей, громаднѣйшихъ продовольственныхъ долговъ, недоимокъ и разныхъ мѣрскихъ сборовъ: на наемъ подводъ, чинку мостовъ, наемъ пастуховъ, на дрова для мечети и школы и т. п. По сдѣланному мною расчету, этихъ мелкихъ сборовъ набирается въ годъ около рубля съ души, недоимокъ же и продовольственныхъ долговъ состояло за Степно-озерскимъ обществомъ къ 17 октября 12784 р. $7\frac{3}{4}$ к., не считая сложенныхъ по Всеми-лостивѣйшему Манифесту 15 мая 3509 р. 60 к. Къ этимъ по-

доимкамъ присоедините окладъ 1883 года — 3885 р. 23 к., по которому почти ничего не поступило, по случаю неурожая, да немного, вѣроятно, поступить и по окладу текущаго 1884 года; такъ что къ началу будущаго года окладныхъ платежей накопится за Степнымъ Озеромъ около 20000, что составляетъ въ расчетѣ на одного мужчину способнаго къ работѣ около 56 руб. Отъ этого средняго вывода по всей деревнѣ, перейдемъ опять къ частному случаю, къ примѣру крестьянина Сайдашева, который „платить $3\frac{1}{2}$ души“. Арендную плату пока не будемъ включать въ расчетъ. Мы видѣли, что за $3\frac{1}{2}$ души съ него причитается въ годъ 25 руб. 62 коп., а съ присоединеніемъ страховых платежей смѣло можно положить для округленія счета 26 рублей. Мѣрскихъ сборовъ, считая по 1 р. съ души — 3 р. 50 к.; итого 29 р. 50 к. Если изъ вышедшаго урожая онъ не уплатилъ этой суммы, — къ январю будущаго года за нимъ будетъ считаться уже вдвое: за 1883 и за 1884 годы. Слѣдовательно, изъ урожая предстоящаго лѣта Сайдашевъ долженъ будетъ уплатить, кромѣ арендныхъ денегъ по контракту, 59 рублей. Но недоимки прежнихъ лѣтъ по расчету на 1 окладную душу составляютъ ($\frac{12784 \text{ р. } 7\frac{3}{4} \text{ к. нед.}}{519 \text{ окл. душ.}}$) 24 руб. 63 коп.; если предположить, что Сайдашевъ — недоимщикъ въ полной суммѣ недоимокъ, то съ него за $3\frac{1}{2}$ души слѣдуетъ взыскать по недоимкамъ прежнихъ лѣтъ — 86 руб. 20 $\frac{1}{2}$ коп. Итого — 145 руб. 20 $\frac{1}{2}$ коп., да уже во всякомъ случаѣ онъ долженъ уплатить за 2 жеребья въ арендованной землѣ 13 р. 62 к. Слѣдовательно, если-бы (допустимъ на минуту невѣроятное предположеніе) изъ урожая будущаго лѣта рѣшено было сразу покрыть всѣ накопившіеся по прежнимъ счетамъ и текущіе платежи, то съ Сайдашева пришлось бы взыскать 157 рублей съ копѣйками, а вѣроятно и значительно болѣе, такъ какъ на обѣщаніе аровыхъ полей онъ, безъ сомнѣнія, возметъ изъ земства новую ссуду. Эти расчеты съ неумолимой ясностью показываютъ, что за такими деревнями, какъ Кривое и Степное Озеро, недоимки и продовольственные ссуды приходится признавать неоплатными. Хозяйство ихъ по меньшей мѣрѣ не улучшается, фактическій пролетаріатъ съ каждымъ годомъ размножается, количество скота съ каждымъ неурожаемъ убываетъ, и нѣтъ никакихъ ручательствъ, что неурожаи не будутъ повторяться и въ будущемъ также часто, какъ въ прошедшемъ: 1868 г., 1870, 1873, 1877, 1880 и 1883

— вот рядъ неурожайныхъ годовъ въ этой мѣстности, памятныхъ мѣстнымъ жителямъ. Промежутки такъ незначительны, что втеченіе этихъ промежутковъ недомжки не успѣваютъ исполняться. Все это невольно заставляетъ думать, что „татарская бѣднота“ въ близкомъ будущемъ заставитъ русское и чувашское населеніе взять на себя неоплатимый долгъ по продовольственнымъ ссудамъ, если не весь, то въ весьма чувствительномъ размѣрѣ. Другаго выхода не предвидится.

Переберемъ еще нѣсколько подворныхъ листовъ.

Гайнулла Хабибуллинъ—47 лѣтъ; самъ здоровъ, жена слѣпая, дѣтей—„куча“: мальчикъ 10 лѣтъ, дѣвочки—17, 14, 7 и 4 лѣтъ, да сирота племянникъ—9 лѣтъ. Коровы нѣтъ; въ неурожайный, 1877 годъ продали и съ тѣхъ поръ завести не въ состояніи. Есть 2 козы, 2 козленка, 1 овца и 2 курицы (т. е. было все это во время переписи, лѣтомъ). Лошадь тоже была; землю засѣваетъ (2 души и 1½ жеребья); однако, въ прошломъ году покупали хлѣбъ уже „съ зимняго Николая“ (9 декабря). Съ двумя старшими дѣвочками ходитъ въ степь бурлачить, а слѣпая жена водится дома съ маленькими дѣтьми. Годовыхъ платежей съ этого двора причитается—по извѣстному уже читателю расчету—24 р. 85 к.

Мухутдинъ Хисамутдиновъ,—старикъ, 60 лѣтъ, нѣмой и подверженъ падучей болѣзни. У него жена, 50 лѣтъ, и три сына въ рабочемъ возрастѣ; но одинъ изъ нихъ—въ солдатахъ, другой—въ работникахъ (еще не полный работникъ—17 лѣтъ); двое живутъ съ отцомъ; старшій—женатый недавно (теперь, вѣроятно, уже есть дѣти); младшій—ребенокъ, 4 лѣтъ. Наконецъ, есть еще двѣ дѣвочки—12 и 10 лѣтъ. Коровы нѣтъ; овецъ продали въ неурожайный 1880 годъ. Лѣтомъ была лошадь, теленокъ и 1 курица. Земли своей—2 души, арендованной 2 жеребья (одинъ изъ нихъ сами не засѣваютъ). Послѣ хорошаго урожая въ 1882 году, своего хлѣба достало только до января;—очевидно—потому, что продавали хлѣбъ на уплату податей и на разныя домашнія потребности.

Перейдемъ къ группѣ безлошадныхъ:

Темирбулатъ Насерединовъ,—вдовецъ, 38 лѣтъ. Жена пять лѣтъ хилѣла и хворала, и умерла весной 1883 г., оставивъ четверыхъ маленькихъ дѣтей: 14, 12 и 9 лѣтъ мальчиковъ и дѣвочку по пятому году. Старшій мальчикъ—отданъ въ подпаски. Корова у нихъ была, во время переписи, даже съ теленкомъ, и еще были 3 курицы: болѣе ничего. Лошадь пала прошлой весной, въ самую нашу

По словамъ хозяина, съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдѣлился отъ отца, въ 13 лѣтъ у него было 9 лошадей. Не трудно повѣрить: земли у него на 1 душу, слѣдовательно сѣна своего бываетъ пудовъ 20 въ годъ, а овса лошадь, вѣроятно, никогда не видитъ. Да и лошадей покупаютъ подобныя домохозяева такихъ, которыхъ другіе продаютъ изъ опасенія, что не пинче—завтра она околѣетъ отъ безкормицы. Липившись лошади, Насерединовъ, однако-жь не оставилъ не засѣянной свою „душу“: нанялъ за 3 р. вспахать ее, боронить и засѣять. Весной это стоитъ дорого, потому что „кормя дороги“. Уходитъ бурлачить. Насерединовъ помѣщаетъ дѣтей у сестры своей, которая замужемъ въ той-же деревнѣ. На пропитаніе ихъ долженъ оставить хлѣба. Вообще, ему мало доводится жить дома: до страды и послѣ, онъ то занимается кирпичи дѣлать, то промышляетъ рытьемъ колодцевъ (въ степи колодцевъ почти столько-же, сколько крестьянскихъ дворовъ). По его словамъ, вдвоемъ съ товарищемъ можно въ двѣ недѣли вырыть колодезь въ 5 сажень глубины, срубить и запустить въ него срубъ. За такую работу платятъ 5 р. на хозяйскихъ харчахъ. Изба у этого вдовца пришла въ совершенное разрушеніе,—даже полъ въ ней изломанъ и нарѣ нѣтъ.

Фахруддинъ Сарытовъ,—старикъ 67 лѣтъ, вдовый, со всѣмъ слѣпой. У него сынъ 27 лѣтъ, однорукий (другая рука не дѣйствуетъ) и кривой; его жена хрома. Работать только она и можетъ, да и она какая-то болѣзненная. 5 лѣтъ назадъ у нихъ пала корова, два года назадъ—пала лошадь. Теперь нѣтъ ни скота, ни птицы. Землю обрабатываютъ наинкомъ; прошедшей зимой продали 20 пудовъ хлѣба, а съ января сами начали покупать. Живленіе—самое обыкновенное, не только въ татарскихъ, но и въ чувашскихъ, и русскихъ деревняхъ.

Агметъ Дзалалетдиновъ—53 лѣтъ; женѣ—45. Семь человекъ дѣтей; изъ нихъ одинъ взрослый, 19 лѣтъ, но болѣзненный—„сердце болитъ“ и животъ. Остальные дѣти: 13, 6, 4 и 1½ года мальчики и 16 и 11 лѣтъ дѣвочки. Изба гнилая, съ пузырями въ окнахъ. Скота нѣтъ: „Каждый годъ покупаю—то лошадь, то корову,—говорилъ хозяинъ;—не живутъ; совсѣмъ отъ этого раззорился. Козу купилъ, напоследокъ,—и ту волкъ съѣлъ“. Земли на 1½ души и 2 арендованной. Все это засѣваетъ—наинкомъ. Самъ уходитъ бурлачить со всей семьей. Прошлую зиму хлѣбъ началъ покупать съ новаго года.

Перейдемъ къ „безхозяйнымъ“:

Наиматулла Файзуллин, отставной солдатъ, 70 лѣтъ. Три года назадъ поставилъ новую избу и женился на женщинѣ, которая ровно вдвое его моложе, но зато имѣетъ ребенка, который растетъ — мальчикъ. Посѣва не имѣетъ. Миръ даетъ ему земли, по $1\frac{1}{2}$ десятинѣ въ каждомъ полѣ, но по старости лѣтъ, Файзуллинъ уже не можетъ пахать, и сдаетъ свою землю за $2\frac{1}{2}$ р. въ годъ.

Хайрулла Сайфуллинъ — 45 лѣтъ, но слѣпой, отчего и разорился: все распродалъ, кромѣ избы, потому что семья большая: пять человекъ дѣтей; старшій изъ нихъ — мальчикъ 16 лѣтъ; на него теперь вся надежда.

Шабанъ Абдуллинъ, — 60 лѣтъ; женѣ 48; у нихъ дочь 7 лѣтъ. Одна рука у него не дѣйствуетъ. Поэтому, земля не засѣяна. Баба сажала въ огородѣ 2 пудовки картофеля, а болѣе у этой семьи ничего нѣтъ, даже нѣтъ избы, и живутъ они изъ милости у племянника.

Гумеръ Абубакировъ — тоже бездомовый, жена слѣпая; уже 8-й годъ, какъ ослѣпла. Самъ хворалъ втеченіи двухъ лѣтъ. Всего въ это время лишился: скота, земли, избы. У нихъ четверо дѣтей: два мальчика (16 и 11 лѣтъ) и двѣ дочери (20 и 13 лѣтъ). Работаютъ по найму и живутъ изо-дня въ день, такъ какъ своего хозяйства не имѣютъ.

Въ такомъ-же положеніи три брата *Абзаллиловы*; всѣ трое бездомовые, хотя всѣ трое женатые и двое имѣютъ дѣтей: у одного четверо, у другого трое; всѣ малолѣтніе. Чѣмъ живутъ — неизвѣстно, достоверно только, что никакого имущества у нихъ нѣтъ. Во время переписи — одинъ братъ былъ въ пастухахъ, а другіе два — были уже въ степи.

Абдуль-Фаттахъ Хайбуллинъ, — 60 лѣтъ и женѣ столько же; оба слѣпые. Дѣтей четверо: старшій сынъ 19 лѣтъ живетъ въ работникахъ у нѣмцевъ. Второй — 17 лѣтъ и его сестра 15 лѣтъ порядились пасти табунъ; а меньшой сынъ 13 лѣтъ водить слѣпыхъ родителей собирать милостыню. Избы у нихъ нѣтъ, живутъ на квартирѣ.

Наконецъ, въ Степномъ Озерѣ оказалось по переписи 11 дворовъ вдовъ и сиротъ. И только ихъ перечислю, съ самыми краткими указаніями на какія либо особые обстоятельства той или другой семьи, такъ какъ о бытѣ вдовъ и крестьянскихъ дворовъ читатель уже имѣетъ понятіе изъ образцовъ, приведенныхъ выше, по Кривому Озеру. Тутъ все донельзя однообразно: разваливающіяся избы, собирающія милостыню дѣти, взятыя впередъ за живитъ деньги; богѣзни, увѣчія, и... слезы — вместо отвѣтовъ

на распросы „статистика“. Вотъ списокъ этихъ вдовъ: самая „богатая“ изъ нихъ — *Гайнуллина*, 38 лѣтъ, съ тремя дѣтьми. У нея во время переписки, кромѣ избы, былъ анбаръ, была корова и 3 курицы. При мужѣ, она принимала „жить хорошо“: двухъ лошадей держали, 17 пчелъ было и челя. Семь лѣтъ назадъ, овдовѣвши и оставшись съ груднымъ ребенкомъ, съ годовымъ и 8 лѣтнимъ, начала продавать одно за другимъ на прокормленіе. Теперь старшая дѣвочка 15 лѣтъ уже помогаетъ ей въ работѣ: ходитъ жать по найму. Въ огородѣ посажено было 8 пудовъ картофеля. Для прокормленія коровы арендовала луга, сколько притягнется на 1 душу; наймомъ косила и возила и все это ей обошлось $4\frac{1}{2}$ рубля, а съна вышло 9 копеекъ, т. е. 27—30 пудовъ. Зимой, однако, пришлось все-таки прикупить 2 овина соломы (рубли на 3).

Другая вдова, *Гадія Биколова*, у которой сыну уже 14 лѣтъ, а дочери 18, даже арендуетъ землю и наймомъ обрабатываетъ. Прошлый годъ ей до половины зимы достало своего хлѣба. Она также держитъ корову. *Галима Валитова* — скота не имѣетъ, но землю арендуетъ по $1\frac{1}{2}$ десят. въ полѣ. Обрабатываетъ наймомъ, а убираютъ сами: у нея сынъ 15 лѣтъ, дочь 12 и еще одинъ мальчикъ 8 лѣтъ. Уже будучи вдовой, въ голодный 1880 годъ она лишилась 3 лошадей, 3 коровъ и 15 овецъ. Прежде „богато“ жили... *Ехлюлла Валюллина* — съ матерью, семидесятилѣтней старухой, и двумя дѣтьми: 14 и 11 лѣтъ мальчики. Младшій — глухонѣмой. Зять изъ милости спазалъ и засѣялъ ей „мужскую душу“, а лошадь у нихъ своя. Пятиаршинная изба чрезвычайно ветха; жалуются, что зимою въ ней очень холодно. Такая же изба, съ пузирями въ окнахъ, у вдовы *Хамитовой*. У нея сынъ — 20 лѣтъ и двѣ дочери 22 и 18 лѣтъ, по всѣ трое слѣпые. Есть еще мальчикъ 15 лѣтъ, онъ пасетъ табунъ въ своей деревнѣ.

Слѣпая *Минни-уфа Абдуллатипова*, 45 лѣтъ, съ сыномъ 12 лѣтъ, имѣетъ взрослого пасынка, но онъ ее не кормитъ. Вдова-солдатка *Гайнетдинова* — тоже слѣпая и уже старуха, 60 лѣтъ. У нея взрослый, но еще холостой, сынъ 24 лѣтъ и дочь 16; оба бурлачатъ, такъ какъ земли у нихъ нѣтъ. Имущества — никакого. Въ огородѣ было только 5 пудовъ картофеля. Вдова *Илзира Алиакберова* — 45 лѣтъ, съ двумя дѣтьми: 13 и 10 лѣтъ. Кромѣ избы и 3 пудовъ картофеля ничего не имѣетъ. Вдова *Фатриса Шарипова* — 55 лѣтъ, одинокая, живетъ по-дѣланіемъ и гѣмъ, что пускаетъ постояльцевъ въ свою избу: 13 человекъ въ одну, разумѣется, ком-

нату съ прогнанными етнами. (У нея квартируютъ вышеупомянутые три брата Абзалиловы съ своими семьями). Вдова *Гайдарь Абдуллина*—съ тремя дѣтьми: 12 и 10 лѣтъ дѣвочки и мальчикъ 7 лѣтъ. Мужъ ея передъ смертию 4 года хворалъ; вдовѣтъ пятый годъ. Въ эти 9 лѣтъ всего лишилась. Земельный надѣлъ мужа за ней числится: отъ сдачи его она выручаетъ 5 руб. въ годъ.

Вдова *Гайль Юзева*—55 лѣтъ, одинокая; единственною ея сына взяли въ военную службу въ призвѣ 1882 года, такъ какъ по документамъ въ этой семьѣ числится два сына; но другой сынъ отъ другой матери (отецъ былъ двоюродный) и кормитъ свою мать, а эта осталась въ безпомощномъ положеніи, и безутѣшно плачетъ. Если не ошибаюсь, впоследствии законъ былъ разъясненъ или дополненъ въ такомъ смыслѣ, что на будущее время подобныя случайности уже невозможны; но имѣтъ-ли это дополненіе обратное дѣйствіе и можетъ-ли Юзева хлопотать о возвращеніи своего единственнаго сына—я не могъ ей этого объяснить. Да и какъ она будетъ хлопотать, когда она ни слова не говоритъ и ни слова не понимаетъ по русски? При томъ-же вслѣдствіе хлопоты требуютъ расходовъ, а у нея ничего нѣтъ, кромѣ избы, которую даже топить нечѣмъ, такъ что едва ли она зиму въ ней и живеть. Лѣтомъ она сидитъ на порогѣ этой одинокой избы и молча плачетъ; люди приходятъ ее пожалѣть и приносятъ ей ѣсть. Свѣжее горе отнимаетъ ей руки—она еще не въ силахъ приняться за работу. Въ такомъ состояніи я засталъ ее прошлымъ лѣтомъ.

Въ заключеніе упомяну на вдову *Хильмизямаля Ярмухаметову*—съ двумя дѣтьми: мальчикъ 11 лѣтъ а дѣвочка 15. Всѣ трое въ падучей болѣзни, и отецъ ихъ тѣмъ-же страдалъ. Вдова—молодая годами, 35 лѣтъ, но на видъ—совершенная старуха. Оздовѣла недавно—зимой 1882 года. Ничего не имѣютъ, кромѣ избы съ цузырами въ окнахъ и трехъ пудовыхъ картофеля въ огородѣ. Собираютъ милостыню.

Мнѣ остается добавить, что другія татарскія деревни, которыя я обследовалъ прошлымъ лѣтомъ, ничѣмъ замѣтно не разнятся отъ двухъ, описанныхъ здѣсь; при ближайшемъ изслѣдованіи, можетъ быть, нѣкоторыя оказались бы еще бѣднѣе, чѣмъ Кривое Озеро и Степное Озеро. Эти двѣ деревни я потому только избралъ предметомъ своего очерка, что собраніями о нихъ свѣдѣнія представляются болѣе достовѣрными.

К. Лаврскій.

Казанская Губернская Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, ею открыта подписка въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Казанской губерніи. Пожертвованія принимаются Г. Предсѣдателемъ Управы Петромъ Петровичемъ Перцовымъ и въ Губернской Управѣ въ присутственные дни отъ 11-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ дня.

Казанская Уѣздная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, открыта подписка въ пользу сельскаго населенія Казанскаго уѣзда, пострадавшаго отъ неурожая. Пожертвованія принимаются: въ Уѣздной Управѣ, у Г.г. Гласныхъ Казанскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія: Алексѣя Гавриловича Осокина, Николая Евгеньевича Боратынскаго, Θεодора Матвѣевича Суворова, Константина Александровича Юшкова, Николая Алексѣевича Осокина, Козьмы Исаковича Романова, Александра Петровича Алексѣева, Андрея Михайловича Хохрякова, Александра Александровича Лебедева, Семена Исаковича Пчелина, Сергѣя Викторовича Дьяченко, Сергѣя Валентиновича Иванова, у Г.г. Земскихъ Врачей Евг. В. Косолапова, Ивана Юновича Наумова и у Г. Казанскаго Уѣзднаго Исправника.

Спасская Уѣздная Земская Управа Казанской губерніи, объявляетъ, что въ зданіи ея, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора открытъ съ 17-го сего апрѣля, Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшаго отъ неурожая, въ 1883 году, населенія Казанской губерніи, гдѣ и принимаются пожертвованія.

Чебоксарская Уездная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, открыта подписка добровольныхъ пожертвованій въ пользу сельскаго населенія Чебоксарскаго уѣзда, пострадавшаго отъ неурожая. Пожертвованія принимаются: Г.г. Предсѣдателемъ Уездной Управы Андреемъ Петровичемъ Астраханцевымъ, Членами Управы: Иваномъ Сергѣевичемъ Лаптевымъ и Платономъ Андреевичемъ Бязовымъ, Чебоксарскимъ Уезднымъ Исправникомъ Николаемъ Васильевичемъ Покровскимъ, Земскимъ Врачемъ Рафаиломъ Осиповичемъ Залевскимъ, Прокофьемъ Ефремовичемъ Ефремовымъ, Софрономъ Тимофеевичемъ Забродинимъ, Егоромъ Григорьевичемъ Волчковымъ, Маріинско-Посадскимъ Городскимъ Головою Васильемъ Ивановичемъ Самойловымъ, купцомъ Васильемъ Ефимовичемъ Коротковымъ и Книземъ Александромъ Александровичемъ Ховавскимъ.

Царевококшайская Уездная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, открыта подписка добровольныхъ пожертвованій въ пользу сельскаго населенія Царевококшайскаго уѣзда, пострадавшаго отъ неурожая. Пожертвованія принимаются: Г.г. Предсѣдателемъ Уездной Управы Матвѣемъ Алексѣевичемъ Шляпниковымъ, Членами Управы Никоноромъ Андреевичемъ Камандринымъ, Дмитріемъ Ефимовичемъ Ефимовымъ, Царевококшайскимъ Уезднымъ Исправникомъ Александромъ Федоровичемъ Билетовымъ. О. О. Благочинными церквей: 1-го Округа Царевококшайскаго уѣзда Протоіереемъ Василіемъ Михайловичемъ Воздвиженскимъ, и 2-го Округа Протоіереемъ Гурьей Васильевичемъ Покровскимъ, Г.г. Лѣсничими: 1-го Царевококшайскаго Лѣсничества Николаемъ Прохоровичемъ Лебедевымъ, 2-го Лѣсничества Михайломъ Леонтьевичемъ Бобровскимъ, 3-го Лѣсничества А. Ф. Звольскимъ и Большекокшайскаго Лѣсничества Иваномъ Ивановичемъ Тиховрадовымъ, Царевококшайскимъ Городскимъ Головою Яковомъ Михайловичемъ Руммелемъ, Земскими Врачами 1-го участка Александромъ Тимофеевичемъ Добросердовымъ и 2-го участка Михайломъ Ивановичемъ Кунаевымъ, Ветеринарнымъ Врачемъ Виссариономъ Ефимовичемъ Евстихіевымъ и Уезднымъ Врачемъ Михайломъ Дмитріевичемъ Агровскимъ.

Лаишевская Уездная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, открыта подписка для выдачи безвозвратныхъ пособій голодающимъ семействамъ сельскаго населенія Лаишевскаго уѣзда. Пожертвованія покорѣнше просить высылать въ Лаишевскую Земскую Управу, которую таковыя будутъ вноситься въ подписной листъ, съ высылкою жертвователямъ квитанцій.

Козмодемьянская Уездная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, ея открыта подписка въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Казанской губерніи.

Чистопольская Уездная Земская Управа имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія Г. Казанскаго Губернатора, открыта подписка въ пользу сельскаго населенія Чистопольскаго уѣзда, пострадавшаго отъ неурожая. Пожертвованія принимаются въ Уездной Управѣ, у нѣкоторыхъ Г.г. Гласныхъ Уезднаго Земскаго Собранія, Земскихъ Врачей и Г. Чистопольскаго Уезднаго Исправника.